

Елена Колина

Только
папе
не говори!

Дневник
новой
русской
двадцать
лет спустя

Елена Колина
Только папе не говори!
Дневник новой русской
двадцать лет спустя
Серия «Дневник новой
русской», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70272013

*Е. Колина. Только папе не говори! Дневник новой русской двадцать лет
спустя: ООО «Вимбо»; Москва; 2023
ISBN 978-5-00224-718-9*

Аннотация

Романтическая комедия «Дневник новой русской». Двадцать лет спустя!

Новая долгожданная книга Елены Колиной – это сюрприз в блестящей обертке: снаружи остроумие и легкость, смех и любовь, счастье и несчастья, семейные отношения и нежная дружба, но разворачиваешь – и всё оказывается всерьез: понимание, разочарования, надежды, утраты, сострадание. Неужели с годами у всех нас появляются скелеты в шкафу?

Романы Елены Колиной обладают удивительным даром – они дают читателям радость узнавания, понимания и даже облегчения: «Оказывается не только у меня такое!» Проницательный взгляд автора точно определяет те невидимые нити, которые нас объединяют, а неповторимая самоирония, искренность и теплота дарят поддержку. Это чтение – словно беседа с любимой подругой – нам откликаются ситуации и диалоги, мы чувствуем, что нас слышат и понимают. В конечном счете, что объединяет нас сильнее, чем трудности и хорошее чувство юмора?

По мотивам первой книги серии «Дневник новой русской» «Первым каналом» снят одноименный сериал.

Содержание

2021 год. Сентябрь, инвестиции в будущее	7
Среда, 1 сентября	7
Пятница, 3 сентября	12
Понедельник, не самый удачный день, 6 сентября	18
Вторник, 7 сентября	31
Вторник, 21 сентября	44
Вечер вторника, 21 сентября, первая лекция на курсах литературного мастерства	58
Среда, 22 сентября, скандал из-за денег	67
Воскресенье, 26 сентября	77
Понедельник, 27 сентября, не может быть!	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Елена Колина

Только папе не говори!

Дневник новой русской

двадцать лет спустя

© Елена Колина

© ООО «Вимбо»

* * *

– Какая вы бледная! Это потому, что вы видите в жизни только ее грустную сторону и не любите шоколада.

– Да побудьте же серьезным хоть пять минут! Ведь дело идет о жизни и смерти.

– Даже и две минуты не хочу быть серьезным, друг мой. Ни жизнь, ни смерть не стоят того.

Этель Лилиан Войнич. «Овод»

Мы любим шоколад, наша любовь к шоколаду эмпирически проверена в рамках парадигмы философского дискурса в контексте положительной коннотации на примере шоколадных батончиков.

Всё в этой истории автобиографично, но ничего из этого не случилось в реальности. Все персонажи книги – это я: как говорил Томас Манн, «не о вас идет речь, вовсе не о вас... но обо мне, обо мне». Это наш – только наш мир, полный смеха, несчастий и счастлих.

2021 год. Сентябрь, инвестиции в будущее

Среда, 1 сентября

Утро, где подарок? Первого сентября мне положен подарок. У кого начинается учебный год? Кто преподаватель? Я преподаватель! Хоть и бывший, но всё равно: преподаватели психологии бывшими не бывают.

Утро, подарка нет.

Чему я больше всего была бы рада? Больше всего я была бы рада всему. Книге, виниловой пластинке, картинке, даже аудиокурсу. Но, конечно, не по литературному мастерству. Зачем писателю курс по литературному мастерству?.. Подарка никакого нет.

Но ничего, подарки не всегда дарят по утрам... хотя человек, с которым ты вместе уже двадцать пять лет, мог бы знать: утром лучше. Можно, конечно, весь день ждать, надеяться, обижаться, совсем разувериться, зло поглядывать, а вечером получить, но утром – лучше.

Открыла банку с кофе, и тут случилось ужасное – а ложечка моя где?! Нет ложечки! Ложечка моя, моя серебряная, с мишкой, маленькая моя, миленькая, единственная моя, дет-

ская, – я ее потеряла?!

Подумать только, всё на своих и чужих местах – любимая бабушкина чашка в книжном шкафу, книги в кровати, ноутбук в ящике с бельем, – а ложечки моей нет. Дом огромный, хозяйство большое и безалаберное, куда же она делась, чтобы потом найтись в неожиданном месте?.. Я ее потеряла, потеряла навсегда!

Плакала. В душе, но громко. Я плакала не себе, а Андрею: думала, он услышит, придет и пожалеет меня. Скажет: «Не плачь, я куплю тебе новую ложечку». Я бы прижалась к нему, всхлипнула, и сказала бы: «Я хочу свою старую, зачем мне новая ложечка?» и «Но только красивую!»

– Ты! Ты всегда всё теряешь! Всё выбрасываешь! Здесь лежала моя папка с договорами, где она?! Где моя синяя папка?! Ты ее выбросила?! – кричал Андрей. Без подарка. Он кричал без подарка.

Ужасно, когда тебя несправедливо обвиняют: я не трогала синюю папку, я вообще ее не видела, не может быть, что выбросила! Или может.

Андрей ушёл, да еще и дверь хлопнул. А я продолжала плакать... сидела за столом с ноутбуком, закрыв глаза руками... Не часто я расстраиваюсь из-за вещей, – я же не расстроилась из-за синей папки, но это была не вещь, а памятная ложечка... Ничего у меня нет, теперь даже памятной ложечки нет, исчезла ложечка, и Андрей исчез... думаю, перед тем, как уехать на совещание, зашел выпить кофе в наше ка-

фе. Пока я тут плачу, совершенно одна, идет к стойке, бармен кричит ему «двойной эспрессо, как всегда?», женщины в кафе провожают его глазами: мужественные молчаливые красавцы с годами не перестают быть мечтой всех девочек.

В плохие мгновенья я понимаю: он не чувствует тонких движений моей души. Неужели работа и рыбалка интересней, чем моя душа?.. В плохие мгновения я понимаю: любая треска была бы ему лучшей женой. Станет ли треска обижаться, что он не едет с ней в Париж? Захочет ли треска пойти на презентацию поэтического сборника? Рассердится ли треска, если по дороге домой по Фонтанке он не захочет держать ее за руку и читать стихи?.. ..Исчез и дверью хлопнул. Я и так расстроилась, плакала. А на меня кричат. Я всегда, я всё выбрасываю, а что не выброшу, то испорчу, в моих руках всё горит... Уронила голову на клавиатуру, текст первой главы улетел. Блям! Вдруг – блям! Ложечка! Ааа?.. Ложечка? Ложечка! Упала на стол! С неба? Прямо передо мной? У ноутбука? Моя! Детская! Памятная! Как это, откуда?! Где взял?!

Где? А на помойке. Хлопнул дверью, спустился вниз, на помойку, открыл бак, отыскал в баке наш пакет с мусором. Долго искал: пакет я вчера выбросила, сверху уже много успели накидать. Ой, даже представить страшно – там ведь был не только наш пакет, наш мусор милый, чужой противный. А в нашем – ложечка!.. Ох, неужели прямо так – хлопнул дверью, направился на помойку, поискал в помойном ба-

ке и нашёл?! Может быть, это любовь? Да, точно, это подвиг любви. Человек, даже мужчина, всегда оказывается сложнее, чем думаешь. Думаешь, что он пьет кофе или уже проводит совещание, а он на помойке, совершает подвиг любви. ... Где, кстати, подарок, книга, пластинка, картинка и (или) прочее ценное-драгоценное?..

Ничего, ложечка из помойки тоже достойный подарок. Ложечку из помойного бака я ценю больше всех подарков. Ложечка из помойки – это подвиг любви. ... Хм, а если бы ложечка не нашлась?.. Если бы ложечка не нашлась, я бы сказала: «Ты что, правда, как койот, искал наш пакет в мусорном баке?» Несправедливо, что в жизни всегда всё зависит от успеха предприятия, а не от намерений. Ложечка нашлась – ты молодец, не нашлась – ты кайот.

Ура, текст первой главы не пропал: улетел, но вернулся. Мне говорят: «В ваших книгах так много самоиронии, это редкость». Ага, редкость. Когда кто-то выбросил ложечку в помойку, а ты смеешься «ха-ха-ха», это у тебя чувство юмора. Когда кто-то выбросил ложечку в помойку, и ты улыбаешься «хе-хе», это ирония: мол, такова жизнь, ничего не поделаешь. А если ты сам выбросил ложечку, плачешь и при этом наблюдаешь, как ты плачешь, это самоирония. Самоирония редкость, я редко выбрасываю ложечку в помойку.

...Если подумать, это хорошее предложение, чтобы нас хвалили не за успех, а за благие намерения. Тогда и за неуспех бы не ругали! Например, один человек забыл купить

подарок, а другой не хотел выбрасывать папку с договорами... и ему за это ничего не будет. Если подумать, это предложение, которое может изменить мир, привести гармонию в любовные и профессиональные отношения. Если учитывать только намерения, то никто никого никогда бы не ругал: мы же все всегда хотели хорошего.

Пятница, 3 сентября

Мы с Мурой встретились у мамы. Мама сказала, что ей нужно поговорить с нами обеими. Всего одну минутку. Вот мы и пришли. С опаской. Мало ли о чем – с нами обеими?

– Девочки, боюсь, у нас есть проблема, – сказала мама с лицом «не хотела говорить, но».

Я очень пугаюсь, когда у мамы такое лицо: а вдруг «не хотела говорить, но» означает, что она была у врача?

А Мура не испугалась. То есть немного напряглась, что ее будут за что-нибудь ругать, но не испугалась, как я, не подумала про болезни, врача...

Мура ничего не боится, потому что она еще маленькая, ей тридцать пять лет. В ее возрасте я тоже не воображала, что врач велел маме сдать анализы, она сдала, врач посмотрел и... и сейчас мама скажет, что у нас проблема...

– У нас проблема: Яша хорошо ест.

Ф-ф, слава богу! Бывают дети, которые плохо едят, а Яша хорошо ест.

– Яша слишком хорошо ест.

Маме лучше знать. Два раза в неделю Мура забирает у нее котлеты. Возможно, некоторые осудили бы Муру, а возможно, наоборот, похвалили бы за то, что она забирает котлеты. Мура врач, доцент, преподает, забирает котлеты. В любом случае, мама точно знает, сколько котлет в неделю съедает

Яша.

– Яша просто крупный ребенок, – со скрытой агрессией сказала Мура.

Это правда, Яша крупный ребенок, крепкий как пушечное ядро, если с ней случайно столкнешься, отлетишь. Мама настаивает на формулировке «ребенок весит на пару кг больше, чем хотелось бы».

– Может быть, все-таки диета?.. Я не сплю ночами, переживаю.

Мы обсудили, пришла ли пора посадить Яшу на диету, или лучше сделать это чуть позже, или никогда. Должен ли ребенок знать, что у него есть проблема? Или расти в абсолютном принятии другими и собой? Запирать ли холодильник? Если Яшу ограничить в котлетах, она будет стоять у холодильника и плакать. Будет ли для Яши осознание того, что «сладкое – нельзя!», моральной травмой? Будет ли такой же травмой ограничить себя в булочках? Можно ли ограничить себя позже? Когда? В семнадцать лет? В тридцать?

Мура как представитель своего поколения считает, что диета – это насилие, ребенок должен быть собой, диета заложит в Яше жуткие комплексы... но ведь если Яша будет расти и толстеть, это когда-нибудь тоже приведет к комплексам? Мама как представитель своего поколения уверена, что не грех и надавить на человека для его же пользы. Я как психолог и писатель считаю, что современная идея «быть собой»

работает до первой личной драмы, а также я кое-что считаю как преподаватель: нужно научить всему!.. Всему, чему можешь. Я же научила Муру умываться, а не оставила быть собой, счастливым грязным поросенком без комплексов. Есть ли у меня комплексы от того, что миллионы раз или больше мама сказала мне в детстве «не сутулься!» и «не косолапь!»?

Мама живет там же, где жила ребенком во время блокады. Переехала сюда двадцать лет назад, в ту самую квартиру, в том же доме: это невероятное совпадение, которое бывает только в романе. В романе она тут же нашла бы тайник под полом или в стене, блокадные письма, семейные фотографии, холст Рембрандта, спрятанный при эвакуации Эрмитажа. В жизни ничего не нашла... хотя мы делали ремонт.

Думала ли мама, когда жила здесь в блокаду, что будет ограничивать в котлетах свою правнучку?.. Ни о чем она не думала, ей было всего четыре года, она просто боялась, мерзла и хотела есть.

Когда Мура поняла, что разговор становится неприятным (она не должна заказывать домой Макдональдс, должна вместе с ребенком заниматься спортом, делать зарядку), Мура взяла котлеты и направилась к выходу.

– Мура какая-то грустная, у нее всё нормально? – тревожным полуобморочным голосом спросила мама.

– Всё нормально, я точно знаю.

Сделала вид, что мне нужно в туалет. Я всё время должна притворяться! Потому что я в сэндвиче, между мамой и

Мурой. Как колбаса между булкой и листком салата, не могу показать маме, что ничего не знаю про Муру. У мамы мгновенно делается полуобморочный вид. А я никогда – никогда не расстраиваю маму. Я не могу показать маме, что волнуясь, и должна делать вид, что я в туалете, а не бегу за Мурой по лестнице.

Погналась за Мурой по лестнице.

– Мура! Ты какая-то грустная!

– Просто плохое настроение. – Мура снизу огрызнулась как подросток.

– У тебя какое-то хитрое лицо!

Мура захохотала басом. Доцент, мать, а хохочет как гiena-подросток.

Ох, совсем забыла, что я бывший психолог. Нельзя говорить «ты грустная», это вызовет раздражение. Нужно сказать «мне кажется, ты выглядишь грустной».

– Мне кажется, ты... – начала я, но Мура уже была на первом этаже, и я закричала: – А что у тебя случилось?

Мура внизу хлопнула дверью.

– А еще доцент!.. – бессильно выкрикнула я вслед.

Я очень горжусь тем, что Мура доцент, доцент – это будущий профессор.

...Почему у нее плохое настроение?! Она молодая, красивая, врач, у нее есть котлеты... Она что-то скрывает от меня, что? С другой стороны, у Муры всегда хитрое лицо.

В конце концов, некрасиво так себя вести! Если у тебя неприятности, скажи, какие именно. Не хочешь рассказывать, сделай вид, что всё хорошо. Зачем напрасно тревожить? Мы другое поколение, мы не расстраивали мам. Моя мама даже не знала, что у меня что-то не так.

...— Что у тебя с лицом? Ты чем-то расстроена? ...Ну, я же вижу, что ты расстроена! Ничего от меня не скрывай! Что происходит?! У Андрея всё в порядке? Ты хорошо себя чувствуешь? Андрей хорошо себя чувствует? Не забывай, он уже не мальчик! Что-то с Мурой? Что с Мурой?

Обсудила с мамой (а с кем же мне еще поговорить, поделиться, она же моя мама): Мура не говорит, почему у нее плохое настроение. Может быть, ей снова пора замуж. Может быть, она больше не хочет выходить замуж. Мне не нравятся Мурины розовые ботинки. Я надеюсь, что Мура не пользуется Тиндером, она же врач!

С одной стороны, Мура врач, стоматолог. С другой стороны, Мура не совсем врач-стоматолог. Мура не любит зубы. После того как Мура окончила институт, внезапно выяснилось, что нужно работать: мазать ваткой, делать уколы, сверлить. Муре понравилось сидеть в белом халате, но не понравилось, что у людей зубы. Хитрая Мура защитила диссертацию, стала доцентом, читает лекции по терапевтической стоматологии и показывает студентам, как нужно лечить зубы, на пациентах-образцах.

...— Мам? Смотри, вот я... я никогда тебя не расстраи-

вала. Я хорошо училась, тебе не приходилось говорить мне «вырастешь и станешь дворником!». Все свои проблемы я решала сама. Всегда понимала, что ты чувствуешь.

– Если бы ты понимала, что я чувствую, ты бы так не поступала, – многозначительно сказала мама.

Что?! Я бы так не поступала? Но как, как я поступала?.. Звучит, как будто в моем прошлом есть страшные тайны. Как будто я выросла и стала дворником, просто мы никогда об этом не говорим. Я хорошо училась (а Мура плохо!), я защитила диссертацию (Мура тоже), я написала много книг, я... Чем я расстраивала маму?!

Перебрала все свои поступки, так и не поняла, что я сделала. Ну, предположим, мама немного поволновалась, когда я на первом курсе родила Муру, развелась с ее отцом, ушла из университета, немного побыла хиппи... но это другое.

Понедельник, не самый удачный день, 6 сентября

ПЛАН ДНЯ

10:00–14:00 – написать третью главу, в крайнем случае, половину второй

15:00–16:00 – врач-травматолог, не забыть взять старое МРТ

17:30 – Ирка-хомяк, Алена, Ольга в кафе «Фартук».

15:00

Ровно в три часа была в кабинете врача на Литейном. Говорят, что это лучший врач в городе по колену.

– Да-а, – сказал врач, посмотрев в своем компьютере МРТ колена, – дело серьезное.

Да-а! Серьезное. Спортивные травмы. Как бы спортивные. Левое колено на МРТ выглядит так, будто я всю жизнь играла в футбол, бросалась на мяч не щадя себя, падала на колено, порвала мениск и связки ради победы. А я ведь никогда не падала на левое колено. Я имею в виду не во время игры в футбол, а вообще никогда, на правое тоже не падала.

– Операция, – сказал врач, – других вариантов нет. В том-то и дело, что вариантов нет, но один есть. Рассказала врачу, что я – медицинское чудо. Колено заболело три года на-

зад. Сделали МРТ. Сказали, что мне поможет только операция. Можно попробовать сделать укол, – три укола какого-то волшебного вещества, но не поможет. А если поможет, это будет чудо.

Чудо случилось! Три укола, и всё прошло, я забыла про колено.

– Сделайте мне такие уколы, – попросила я.

– Уколы не помогут, у вас практически раздроблено колено. У вас есть старое МРТ?

Достала конверт, вытащила старое МРТ, протянула снимок врачу – вот, пожалуйста, МРТ колена.

Врач взглянул на снимок, поднял глаза и некоторое время смотрел на меня обалдевшим взглядом.

– Что? – спросила я.

– Что? – спросил врач.

Оказалось, я показала врачу вместо МРТ колена МРТ головного мозга. И светски спросила: «Ну что, теперь видите, что я медицинское чудо? У меня необычный случай... Мне вас рекомендовали как лучшего в городе врача по колену, вы же разберётесь, почему у меня так?»

Не понимаю, почему он смотрел на меня диким взглядом. Ну да, у меня вместо левого колена голова. У меня в левом колене головной мозг. Но он же лучший врач в городе, мог бы и не поглядывать на дверь кабинета, как будто хочет сбежать от пациента с необычной травмой.

...Долго не могла понять, откуда у меня МРТ головного

мозга? Это вообще мой мозг? А если чужой, то чей? Наконец вспомнила: когда-то давно сделала МРТ по просьбе мамы. У меня сильно болела голова, и мама прописала мне МРТ головного мозга. Кстати, тогда его никому так и не показали: головная боль прошла.

– Там всё нормально? С мозгом? – спросила я. Врач по колёну еще раз посмотрел мое МРТ головного мозга и сказал, что попробует сделать уколы в коленный сустав. Отлично!..

17:05

Позвонила Алена.

– Я не приду. У меня нет на тебя ни минуты! – рявкнула Алена.

Но... почему на меня? Мы дружим сорок восемь лет, с тех пор как в первом классе уселись за одну парту. Не то чтобы мы сорок восемь лет учились в первом классе, но в некотором смысле да, мы все еще за одной партой. Могла бы не говорить «у меня нет на тебя ни минуты»! Могла бы сказать «на вас», не только на меня нет времени, но и на Ирку, и на Ольгу тоже.

17:06

Я в кафе на нашем обычном месте у окна.

А вот и Ирка-хомяк!.. Хомяк живет со мной одним домом в одном доме (я на третьем этаже, Ирка на четвертом), милый, теплый Хомяк... Ни один человек не стал бы наря-

жаться, чтобы спуститься в кафе в своем доме. Иркин стиль – агрессивная женственность: губы, локоны, бусы, бант, жабо, пышная юбка.словно Хомяк собрался на свой первый бал. Но. Агрессор не наряжается, агрессор живет нарядным. За много лет я видела Ирку разной, заспанной, рыдающей, страдающей от расстройства желудка, но ни разу не видела без банта и бус. Даже когда умер Иркин муж ПетрИваныч, год назад, в день серебряной свадьбы. Кажется, что умереть в день серебряной свадьбы верх легкомыслия, но ПетрИваныч был очень осмотрительный человек: если он так поступил, значит, у него были на то свои причины.

– Сегодня проснулась и подумала: а зачем я проснулась? Зачем вообще просыпаться, если я больше не предмет сексуальной охоты?.. – с порога выпалила Ирка.

Как интересно. Ирка-хомяк была предметом сексуальной охоты? ПетрИваныч двадцать пять лет охотился на Ирку прямо надо мной, на четвертом этаже? Охотился, а потом умер.

– Если бы я тогда знала, что это был последний секс в моей жизни! С другой стороны, если бы знала, тогда бы что?.. У меня завтра премьера. Журналисты придут, городская администрация. Пирожки, оливье, медовик обязательно... – перечислила Ирка.

Ирка директор театра. Ну, или почти – замдиректора театра по хозяйственным вопросам. Пришла в театр совсем ребенком, буфетчицей в театральный буфет, однажды испекла

медовик и сделала потрясающую карьеру. Ирка настоящий серый кардинал: главный режиссер ставит то, что велит Ирка.

Почему у Ирки такая власть? Дело не в том, что зрители аплодируют Иркиному медовику, а многие зрители специально покупают билеты на Иркин медовик. Дело не в том, что главный режиссер будет есть то, что решит Ирка: Ирка захочет, – испечет его любимые пирожки с капустой, а не захочет, даст ему пирожки с мясом. Она может даже лишиться главного режиссера медовика! Всё дело в другом: у Ирки чутье. Ирка требовала, чтобы ставили ее любимого Островского, – и вот, пожалуйста: зрители пошли толпой. Иркин театр имеет свое лицо, как Малый театр в Москве. Завтра премьера «Грозы», идут репетиции «Бесприданницы». А ведь у Ирки даже нет театроведческого образования, только чутье и любовь к Островскому.

– У меня интимный вопрос... хочу спросить тебя, пока нет Ольги, – сказала Ирка, – вот мой вопрос: неужели у меня больше никогда не будет секса? Это так же странно, как перестать дышать. Раньше ни один мужчина не мог спокойно пройти мимо меня на кухне.

Я не знаю, что сказать. Кого Хомяк имеет в виду, когда говорит «ни один мужчина»? У Ирки был один мужчина, Петриваныч, до того, как он умер, он не мог пройти мимо Ирки. Я тоже не могу пройти мимо Ирки на кухне: у Ирки пятьдесят второй размер, а кухня пять метров.

Скажу, что у Ирки обязательно будет любовь, роман, секс.

В юности мы без конца говорили о сексе. В юности секс как экзамен. Если у тебя есть секс, тебе четыре. Секс означает, что ты как все, занимаешь достойное место в социуме. Если скажешь, что у тебя есть оргазм – четверка с минусом, минус за вранье. А сейчас секс это что? Думаю, зачет без оценки. Если секс есть, нужно молчать. Если есть муж, но секса нет, тем более, нужно молчать. Возьмем Алену: можно ли представить, что мы с Аленой не говорим о сексе? Невозможно представить! Но мы не говорим. Алена только однажды сказала: «Каждый раз после секса думаю, зачет сдан».

17:09

Ольга – джинсы, худи оверсайз, кеды, рюкзачок. Бандана, кепка или ушанка, в зависимости от сезона, сейчас бандана. Подростки, смотря на Ольгу сзади, думают, что Ольга тоже подросток, забегают вперед, чтобы познакомиться. И тут же испуганно восклицают «ой!» или «ой, простите». Не знаю, что лучше. Когда восхищаются Хомяком сзади, никто не бывает разочарован: Хомяк спереди и сзади выглядит пышно. Зато Ольга со всех сторон выглядит как неординарная творческая личность.

У Ольги тоже есть власть. Ольга известный критик, автор всех модных изданий. Начинала как кинокритик, потом стала литературным критиком. Главное уметь критиковать, а что именно, не важно: Белинский, к примеру, мог бы стать

знаменитым кинокритиком. Это было гениальное решение: книги пишут все кому не лень, и у Ольги полно работы. Люди покупают книги, которые она похвалит. Это настоящее чудо: лежишь на диване, поставил ноутбук на живот и прямо с дивана повелеваешь умами и кошельками!.. Когда у меня выходит новая книга, я с утра до вечера заглядываю во все модные издания – вдруг Ольга написала на меня рецензию? Мы дружим с первого курса, мы гуманитарии, должны быть гуманными друг к другу: могла бы и написать! Но нет, всегда нет... Ольга не написала ни об одной моей книге: она критикует меня дома. Я не обижаюсь, я понимаю: она любит открывать новые имена, а у меня старое имя. Писать обо мне все равно, что кулинарному критику писать о картошке фри. Зачем писать рецензию на картошку фри, просто купил и ешь. ...Лучше умереть, чем сказать Ольге, как я мечтаю о ее рецензии. Но близким людям ни за что не признаешься в том, что для тебя важно. Чем важней, тем больше ни за что не признаешься.

– О чем это вы тут? О сексе? Неприлично в нашем возрасте говорить о сексе. А я делаю новый подкаст о литературе. Для интеллектуалов! Для тех, кто может отличить Шеллинга от Фихте, Монтеня от Боэси.

Бедная Ирка ожидала участия, а Монтеня и Боэсси не ожидала.

– Я не про секс, я просто... Я хочу завести роман, – сказала Ирка.

Ольга снисходительно фыркнула:

– Я с этим закончила. Под «этим» подразумеваю романтику, поцелуй на рассвете, вершину любви и мужчин в целом.

– А я нет! А я нет, я нет... – бубнила Ирка, – вы еще увидите...

Со стороны можно подумать, что Хомяк воплощение самоуверенности. На самом деле Хомяк воплощение здравого смысла: прекрасно знает, что мужчинам нравится медовик и пышные блондинки в локонах.

– Неужели ты правда думаешь, что есть кто-то, кому мы можем понравиться? – насмешливо спросила Ольга.

– Есть! Все! – Хомяк ответил, как отрезал. Ольга улыбнулась.

– Почему она улыбается?! Как будто я какая-нибудь гетера! – обиженно кричала Ирка. – А я не гетера! Я просто хочу, чтобы на меня охотились! Что тут такого?!

Хомяк не гетера: не может отличить Шиллинга от Шеллинга, Монтеня от Боэси, недавно перепутала концепцию с концептом. А гетеры были хорошо образованны. Но формально Ирка может считаться гетерой: она работник культуры.

– Ну, так что там с сексом? – небрежно спросила Ольга.

Ирка оживилась – хотите честно? Мы с Ольгой кивнули – хотим.

– У меня комплексы. Я стесняюсь: у меня тело. Ну, вы понимаете, не всё как в двадцать или пятьдесят. Как подумаю,

что это будет не ПетрИваныч, а чужой человек, вся сжимаюсь и мысленно втягиваю живот. В нашем возрасте секс с новым мужчиной это так трудно!.. А хотите совсем честно?

Мы кивнули – очень хотим. Ирка на долю секунды задумалась, как задумывается человек, не решаясь открыться. Но по Фрейду, в человеке очень сильно желание открыться. Ирка оглянулась и, понизив голос, прошептала:

– Вот если бы это было животное! Если бы это было животное, тогда совсем другое дело... тогда да, а так нет!..

Животное?.. Я посмотрела на Ольгу ошеломленным взглядом:

«Не может быть, чтобы Ирка сказала “животное”». Ольга посмотрела на меня строгим взглядом:

«Все может быть. Ирке не решиться на секс с мужчиной, который не является ПетрИванычем. Она считает, если бы на его месте было животное, было бы совсем другое дело».

Если подумать, Ольга права: что мы знаем о мироздании? Думаем: «Ну уж вот этого не может быть никогда!», а УжВотЭто случается. Когда УжВотЭто случается, мы думаем «если УжВотЭто произошло, то все, абсолютно все, может случиться. Кроме, конечно, ВотЭтого». А потом ВотЭто случается, и так бесконечно. И не забудь про новую этику!»

В своих статьях Ольга часто рассуждает о новой этике: толерантность, принятие, уважение к опыту другого человека, готовность соблюдать границы. Я увидела всё это в Ольгином взгляде – толерантность, принятие и так далее. Я...

МММ... согласна с новой этикой. Если Ирка говорит «животное», я должна это принять. Должна быть толерантной. Должна соблюдать Иркины границы. Не оценивать, не осуждать, не рассуждать. Я отношусь ко всему осознанно, всё принимаю, новую реальность, новую этику, чужую сексуальность, все, что положено принимать. Молчу, поддерживаю, ни о чем не спрашиваю. Но всё же интересно – какое животное?

– А... А?... А какое животное? – робко пискнула Ольга. – Домашнее животное?

Очевидно, новая этика позволяет уточнить, какое животное, дикое или домашнее.

– Зачем мне домашнее животное? Конечно, дикое. – Ирка мечтательно задумалась. – Дикое сексуальное животное, пылкое и необузданное, но в то же время ласковое и внимательное.

– Ирка, ты... – испуганно пискнула Ольга. – Ты нашла в себе силы не противостоять своей идентичности. Трудно пойти наперекор общепринятым нормам... Я очень тебя одобряю, ты молодец!

Ирка важно кивнула: спасибо за понимание. Все любят, когда их хвалят. Особенно Ирка, привыкла к лести и похвалам в театре.

...Еще целую долю секунды мы с Ольгой не понимали, а потом поняли: Ирка имеет в виду брутального мужчину, который двадцать четыре часа в сутки думает о сексе. Как

наш водопроводчик, страстный и свободный, отчасти даже грубый и жесткий. Мы не можем точно знать, думает ли наш водопроводчик о сексе двадцать четыре часа в сутки, но вид у него такой, будто думает.

Ирка считает, что дикое и страстное свободное животное заставит ее забыть о своих комплексах. Помоему, Ирка хочет слишком многого: пылкое и необузданное, и в то же время ласковое и внимательное? Это должно быть редкое животное, возможно, занесенное в Красную книгу.

17:28

...– Неужели вы могли подумать обо мне такое? – изумилась Ирка.

Ольга сказала: «Ты первая начала! Нужно выразаться ясней».

– Ты на ее стороне, – обвинила меня Ирка.

– Я просто сижу на ее стороне, – трусливо сказала я. – Могу пересесть, если хочешь. Но мы же мысленно шутили сами с собой, это шутка... в голове...

– О боже, что у вас в голове? Вам уже не по возрасту так шутить, – поморщилась Ирка, – мне пора. Это некоторым нечего делать, а у меня завтра премьеры, это не ерунда собачья, мне нужно тесто для пирожков поставить.

– Мне тоже пора, – уклончиво сказала Ольга, – я тоже работаю. Мне нужно рецензию на две книги написать... а до этого книги прочитать. Как я буду писать, если не прочи-

таю?.. Хотя можно и не читать. Прочитаю начало и финал... это большая работа. ...А кстати, почему не пришла Алена? Это неуважение! Это игнор!

Девочки поссорились, почти подрались, во всех возможных сочетаниях: Ирка-хомяк с Ольгой, Ирка и Ольга с Аленой. С Аленой они поссорились заочно.

17:31

Встреча в кафе отменилась. Сижу одна на нашем обычном месте у окна, так как встреча отменилась. Девочки ушли, не попрощавшись друг с другом и со мной.

...А если бы Ирка, действительно, имела в виду животное? ...Фу, нет, всему есть предел! ...Или нет? Или все-таки есть, но не всему? Боже, что у меня в голове?

В голове у меня веселящий газ, бурлит и пузырится. Ольга сказала, что она закончила с романами. Умом я согласна с Ольгой: мы закончили. Уходить из любовной жизни нужно добровольно, словно летишь с горы на санках и смеешься, а не как будто тебя за ухо выводят из класса, а ты выворачиваешься и упираешься.

А не умом я не согласна! Кто-то во мне, юный, от двенадцати до пятидесяти пяти, хочет бежать под дождем по дорожке Летнего сада с распахнутыми глазами ...добежать, уткнуться в грудь, поднять голову, услышать «люблю» ...по Марсову полю тоже можно бежать, по Фонтанке. Если бежать по Фонтанке, придется останавливаться на светофорах.

Ирка сказала, некоторым нечего делать. Некоторые это я, ерунда собачья тоже я. Почему я, писатель, за двадцать лет написавший сорок книг (ну, ладно, тридцать восемь)?! Почему из нас троих именно я ерунда собачья?

На самом деле я знаю почему: они шли, а я сидела. Я сидела дома за компьютером, а они шли по своему пути. У них есть власть. Каждый может мне сказать:

«Ну что, бездельничаешь, роман пишешь?» Мура на лекции, Ольга вся трепет и волнение, читает финал, Ирка вся медовик-оливье, ставит тесто, а я... что я? Сажу в кафе, продумываю интригу и характеры персонажей?.. Завтра утром по плану третья глава.

Вторник, 7 сентября

Сегодня придут девочки. Хочу, чтобы они прочитали главу.

13:40

Первое, что сделали девочки, войдя в дом: подрались прямо в прихожей, не раздевшись. Ничего не поделаешь, это издержки возраста: капризы, эмоциональность. В пылу драки они могут даже поцарапать друг друга или укусить. Главное, соблюдать спокойствие, чтобы дать каждой то, что ей в этот момент необходимо: одной что-то рассказать, другую выслушать. Никогда не знаю, с чего начать.

– Сейчас будем читать главу. Маленькую, одну!.. И чтобы вы больше никогда не слышала «ненавижу читать»! Читать – это счастье. Что?! ...А я сказала – счастье! Ах, вам не интересно?! Значит, сейчас будет интересно!

– Давай ты спрячешься в шкаф, а мы тебя не найдем, – предложили девочки.

Смотря на девочек, я думаю: всему свое время. Есть время бежать к любимому с распахнутыми глазами, а есть время сидеть в шкафу.

– Телефоны на стол! Пока не прочитаете главу «Как Незнайка был музыкантом», не встанете! А если встанете, будете читать «Как Незнайка был художником». Всё начина-

ется с малого, сначала вы откажетесь читать Незнайку, потом Толстого, потом Хармса...

Девочки уселись с книгами в гостиной: нужно просто уметь их организовать, я умею. А Мура нет!.. У меня девочки с трех лет читают, а у Муры до сих пор дерутся. Мура привычно повторяет «Яша и Аркаша, перестаньте драться, вы же сестры». Яша бьет с размаха, и тут же рыдает басом. Аркаша царапается и щиплется, тоненько всхлипывая. Все люди разные: Яша простодушно злится, Аркаша томно ябедничает.

Яша и Аркаша на самом деле Яна и Аркадия. Новорожденную Яну переименовали в Яшу в честь одного знакомого кота. Аркаше дали имя Аркадия по желанию второго Муркиного мужа, Мурка с ним развелась. С первым мужем она, разумеется, тоже развелась. Но дети чудесные, Яша веселый крепкий толстячок, Аркаша ангелоподобная тростинка, Яша – вся щеки, Аркаша – вся глаза. По-моему, это закон природы: мужа дочерей всегда не очень, но дети чудесные.

В драгоценной тишине пила кофе из любимой бабушкиной кузнецовской чашки, розовой с золотом. Думала, как закончить главу. Услышав топот, закрыла глаза и притворилась мертвой. В животном мире, когда побег невозможен, это единственный выход: глаза закрыты, тело обмякло, передние лапы безвольно висят.

Первой вбежала Аркаша, за ней Яша. Яша на ходу была

Аркашу Носовым. Бегали вокруг стола, то есть вокруг меня. Яша била Аркашу Носовым, Аркаша оборачивалась и колола Яшу карандашом, колола и плакала. Яша догнала Аркашу, вырвала карандаш, вцепилась в волосы, Аркаша завизжала как сирена, Яша заткнула уши и свалилась на меня. Яша крупный ребенок. Я выронила чашку, чай пролился на колени, чашка упала на Шницеля, Шницель взвыл и дернулся, чашка упала и разбилась, Шницель шмыгнул под кресло. Яша с Аркашей завыли хором «она первая начала!».

– Я не виновата, это Шницель виноват, нечего было тут стоять, – прошелестела Аркаша.

– Я тоже не виновата, это Шницель, – басом подтвердила Яша.

Моя бабушкина чашка, розовая, с золотом!..

– Сейчас вы увидите Белку в бешенстве, – сказала я тихим страшным голосом.

– Бежим, Белка в бешенстве, – испугалась Яша и, схватив Аркашу, ринулась вон из кухни. Молодец, перед лицом опасности ведет себя как старшая сестра.

Наверное, настоящие бабушки не бывают в бешенстве. А я бываю! Я не чувствую себя бабушкой: молодой человек не может чувствовать себя бабушкой. Я чувствую себя Белкой. Я очень люблю девочек, люблю, когда они у меня, люблю точно знать, во сколько их заберут.

...Девочки спрятались в шкафу в прихожей. Я встала перед шкафом, чтобы объявить наказание.

– Вот мое решение: вы можете навсегда попрощаться со своими телефонами. На два дня.

Преступники в шкафу замерли. Два дня без телефона – это жестокое наказание, особенно для Яши. Яша не расстанется с телефоном. Мы говорим ей: «Иди есть, без телефона», «Иди делай уроки без телефона», «Иди мыться без телефона». Можно считать, что ее имя Безтелефона. Так к ней и обращаться: «Подойди ко мне, Безтелефона!» или «Безтелефона, иди обедать!» Безтелефона – красивое имя.

– Поговорим спокойно? – сдавленным голосом предложила Яша из шкафа. – Ты знаешь секретное качество женщины, от которого без ума мужчины?

– А? – обреченно пискнула я.

– Секретное, – подольстилась Аркаша.

Яше десять, она в третьем классе. Аркаше семь, она в первом классе. Каждый третьеклассник, как и каждый первоклассник, может забрести на порносайт. Сейчас я услышу что-то запредельно неприличное. Что делать? Есть ли у Муры на домашнем компьютере родительский контроль? Что делать? Заткнуть уши? Подпереть дверь шкафа шваброй и убежать? Пусть Мура сама разбирается с порносайтами, я всего лишь бабушка.

– Секретное качество, от которого без ума мужчины, это способность прощать, – сказала Яша. – Ты хочешь, чтобы мужчины были от тебя без ума? Тогда прости за чашку.

– Прости Яшу, ты же достаточно добрая, – попросила Ар-

каша.

– Яшу? А тебя?

– Меня-то за что прощать? – удивилась Аркаша. – Я не виновата.

Яшино второе имя Безтелефона, Аркашино второе имя Яневиновата, тоже красивое.

– Не прощу. Ладно уж, прощу в самый последний раз. Но за то, что подрались и разбили чашку, вы будете читать еще полчаса, потому что читать это счастье.

– Исключено, – твердо сказала Яша.

– Исключено, – тоненько поддакнула Аркаша.

Проще всего было бы провести оставшееся время в шкафу: девочки уже там. Локализованная драка лучше, чем драка по всему дому. Подерутся, посидят, подумают о своем поведении, а потом их уже заберут. Мура могла бы забрать их прямо из шкафа.

– Белка, принеси нам шкафную еду для пикника, – попросили девочки.

Думаю, шкафная еда – это канане с чем-то изысканным. У меня есть корзиночки, в которые можно класть салаты или паштет. Хотела положить в корзиночки паштет «Перепелиный», попробовала: ужасный.

Пришла в шкаф с изысканными пельменями: если пельмени насадить на шпажки, получается изысканная еда для пикника.

У корги слишком короткие лапы, чтобы самому залезть в

шкаф, Шницеля пришлось втащить на руках. Сидели обнявшись, все вчетвером, ели пельмени. Яша съела восемнадцать штук, Яша благодарный едок и участник пикника. Мама будет меня ругать за то, что я кормлю детей пельменями. Предупредила девочек: «Если вас будут спрашивать, что вы ели, говорите: ели бульон в шкафу».

В углу шкафа под пледами нашлась старая кукла, немецкий пупс в розовых трусах.

– О-о, это еще мой пупсик! Эти розовые трусы сшила пупсику моя мама, – растроганно сказала я. Должно быть, я уложила пупсика спать в шкаф и забыла. А сейчас, через полвека, пупс нашелся! Он хорошо выспался, мой дорогой пупс...

– Это не твой пупс, это мой пупс, это я его нашла, – сказала Яша, и тут у меня зазвонил телефон.

– Я тебя не слышу! – кричал Андрей.

Андрей далеко, в Сибири.

– Я в шкафу, тут плохая связь, – объяснила я.

– Что ты делаешь в шкафу?

– Дед, мы пупса нашли, – вмешалась Яша, – теперь это мой пупс.

Не могу привыкнуть к тому, что дед – это Андрей. Андрей говорит: «Они мои внучки, как же им меня называть?» Если бы меня называли дед, я бы каждый раз мысленно плакала.

– Дед, я тебя люблю, ты купил мне подарок? – прошелестела Аркаша.

В моем детстве считалось, что о подарках спрашивать

неприлично. Мама говорила: нужно радоваться человеку, а не подарку. Но у нас другой педагогический прием: девочки выпрашивают подарки, потому что они... они... они... потому что это такой педагогический прием, развитие искренности. Из педагогических соображений Андрей дарит им подарки в ту же минуту, как их видит.

– Дед, я больше тебя люблю, ты купил мне подарок?! – закричала Яша.

– Дед, целую тебя сто раз, подарок мне не забудь.

– А я тебя целую сто один раз, подарок не забудь.

Возможно ли, что корыстные девчонки больше любят подарки, чем деда? Нет. Конечно, нет! Корыстные девчонки любят его меньше, чем подарки. Ну и что? Только неуверенные в себе люди измеряют и взвешивают любовь – сколько любви за подарки, сколько за просто так. Андрею всё равно.

Что же касается любви, эти минуты нежного единения будут поддерживать их всю жизнь – поедание печенья вчетвером (Шницель съел больше всех), трогательный пупс в розовых трусах...

– Это мой пупс, – с нажимом сказала Яша.

О-о, сейчас будет драка. Предложила девочкам обращаться друг к другу «любезная сестра» или «высокочтимый друг». Это хороший способ предотвратить драку: длинное обращение переводит агрессию в другой регистр.

– Это мой пупс, высокочтимый друг. Я старшая. Это мое наследство. Пупс – мой.

– Почему это пупс твой... любезная сестра? Почему всё тебе? А где же мое наследство? – горестно прошептала Аркаша и приготовилась плакать.

Яша спрятала пупса за спину. Лишенная наследства Аркаша выдернула пупса из ее рук и начала кривляться «не покажу, любезная сестра, это мое наследство, не покажу...». Яша, расвирепев, толкнула Аркашу. Аркаша пнула Яшу кукольной ногой, Яша взвыла «ааа, высокочтимый друг бьет меня ногой по голове!».

– Любезная сестра, не отдам пупса! – шептала Аркаша, исподтишка пихая Яшу кукольной ногой.

Яша рыдала басом, Аркаша щипала Яшу, приговаривая «я не виновата», Яша размахнулась... Я бросилась между ними, мы все сцепились в клубок... Все, кроме Шницеля. Шницель забился в угол и дрожал.

– Вы се-естры! Как вам не стыдно, вы же сестры! – кричала я.

– Мы сестры наполовину. Я била ее в неродную половину, – сказала Яша.

Яша, и правда, целилась в левую половину Аркаши. Когда девочки поняли, что они сестры наполовину, то договорились: правая половина родная, левая неродная.

– Я щипаю неродную половину, – вторила Аркаша, украдкой засовывая пупсика в колготки.

– Так нельзя! Не щипаю, а щиплю... – поправила я. – И, между прочим, это мой пупс.

– Был твой, стал мой! Тебе не нужен пупс, ты уже взрослая, – сказала Аркаша, и Яша шлепнула Аркашу по неродной половине попы.

Не то чтобы я считаю минуты, когда Мура заберет девочек, просто хочу знать: когда Мура их заберет?!

Скажу Муре, чтобы отвела девочек к психологу. Девочки дерутся, потому что у них разные отцы, наполовину разная наследственность, противоречащие друг другу гены, нужно что-то делать! Но я сама психолог, я знаю, что скажет психолог: что у нас дисфункциональная семья.

Господи, ну почему я, почему у меня? У всех дети как дети, много читают, играют на скрипке, занимаются балетом, вышивают крестиком, и только у меня одной дисфункциональная семья в шкафу.

Сорок три минуты. Мура заберет их через сорок три минуты. Можно считать, что уже через сорок две.

...Сорок две минуты, сорок три минуты, час двадцать, два часа пятнадцать минут...

21:23

Мура!..

– Где ты была, Мура? У тебя лекция закончилась два часа назад.

Нет-нет, я не проверяю! Просто хочу поговорить с Мурой по душам, узнать, чем она дышит... где была. Может быть, я успею быстренько узнать, чем она дышит?

– У меня пара до девяти.

Таких пар не бывает. У Муры нет вечерников. Мура врет. У нее не бегают глаза. У других людей бегают глаза при вранье, но у Муры никогда: она смотрит прямо перед собой честными, широко раскрытыми глазами.

– Ты говорила, что у тебя две пары, до семи.

– Да, точно, две пары.

Врет как в школе, что уроки не заданы. Как в институте, что практику отменили. Врет. Глазки не бегают! Голос врущий, высокий. Поздние приходы, честные глаза, врущий голос, как будто Мура подросток. Но от подростка – ждешь. А от матери двоих детей нет, не ждешь.

Может быть, у нее роман? Спросила, есть ли роман. Романа нет. Спросила: «С кем ты сейчас встречаешься?» Ни с кем.

– Да, есть роман, два романа, – подумав, сказала Мура. – ...Мамочка, почему я что-то скрываю? Я ничего от тебя не скрываю. Почему я не рассказываю, какие у меня романы? Я рассказываю: первый и второй.

У Муры, и правда, два романа? Дурацкие, конечно, какие же еще. Неужели Мурины романы из Тиндера?

– Мама! Я взрослый человек, врач с большим стажем. Хорошо, я преподаватель, но я преподаю в белом халате! А ты без... безаляпационно... безпаляционно вмешиваешься в мою жизнь!

Я безапелляционнo? Я вмешиваюсь? Я в мою?.. Я всего

лишь сказала: «Два романа одновременно – это ни одного романа».

21:27

Мура со мной не разговаривает. Молча одела девочек, молча скорчила им страшную рожу, молча сказала:

«Прекратили драться, быстро пупса ко мне в сумку!»

Между прочим, это мой пупс! Может быть, я все эти годы тосковала по нему, думала, где он, мой пупс в розовых трусах...

– Мура! Мир?.. Ну, а на работе у тебя всё хорошо?

Мура улыбнулась.

– Мне нравится, когда я захожу в аудиторию, они все встают и стоят в белых халатах... Мне не нравится, когда мне задают вопрос, на который я не знаю, что ответить.

– Отвечай строго: «Это вы мне должны сказать!»

Открыла Муре несколько секретов.

Когда студенты задают вопрос, а ты не знаешь, что ответить, можно еще сказать: «Это вы мне должны сказать». Есть еще варианты: «Хороший вопрос, я ждала, когда вы его зададите... а теперь сами подумайте».

– Спасибо. А я в крайних случаях отвечаю «это вам еще не нужно знать», например, на вопрос «а как лечить зубы», – поделилась Мура.

Потомственный преподаватель, вся в меня. У нас, лекторов, свои секреты и приемы. Когда я читала лекции, у меня

был еще один вариант: кивнуть, сказать «все вопросы после лекции», а после лекции убежать.

21:29

Девочки ушли.

Мура холодно сказала «пока, мамочка» и даже немного хлопнула дверью. А ведь я всего-то вернулась к теме романов, сказала: «Тиндер это не то место, где каждый день находят себе пристанище надежность и ответственность». Мура недослушала, хлопнула дверью: синдром дефицита внимания и гиперактивность. Знаменитый психолог поставил Муре этот диагноз, когда она в три года терроризировала песочницу, отнимала формочки и совки. Психолог велел наблюдать, не станет ли Мура социально неприемлемой личностью.

Я внимательно наблюдаю: не было случаев, чтобы Мура отнимала у студентов и пациентов формочки и совки. При том, что у нее есть для этого все возможности: она имеет дело с беспомощными людьми в стоматологическом кресле. Не было ни одного случая, когда Мура сказала бы студентам «смотрите, как нужно лечить зубы», а пациенту «откройте рот», а сама бросила бормашину и выскочила из кабинета. С чужими людьми Мура социально приемлемая личность. А со мной может уйти посреди разговора, холодно сказав: «Пока, мамочка». Но если серьезно... если серьезно, почему Мура ведет себя как дельфин? Дельфинхитрюга, которого научили

обменивать мусор на рыбу, спрятал кусок бумаги и отрывал по кусочку, чтобы получить как можно больше рыбы. Мура пытается выменять у меня мелкое вранье на рыбу. Зачем?

Вторник, 21 сентября

Общий сбор у меня с целью оглашения завещания.

Присутствовали Хомяк, Ольга и я. Алена клятвенно обещала прийти, но кто же ей поверит? Алена, как всегда, опоздает, а потом не придет.

– А Яши с Аркашей нет... – разочарованно прошептала Ольга.

Она любит девочек. Иногда больше любит Яшу за просто-душие, а иногда Аркашу за то, что она ябеда и себе на уме. Это не просто любовь, это скелет в шкафу. Мы никогда об этом не говорим. Раньше мы не умели молчать о том, что нарушает душевное равновесие, а теперь научились. Может быть, дело в том, что раньше у нас не было скелетов в шкафу.

– Секс табу, романы табу, измены табу, – напомнила Ольга. – А почему завещание сегодня, ведь уже год прошел?

– Почему-почему... потому что завещание. Я его нашла. Запечатанный конверт. Я не могу его открыть одна. Боюсь. Может быть, это и не завещание вовсе. Хотя на конверте так и написано – «завещание».

Расположились на кухне: Ольга сможет курить (я позавчера бросила курить, но опять немного курю), Ирка-хомяк сможет, не привлекая к себе внимания, залезть в холодильник в любую минуту. Ирка волнуется: немного странно читать завещание через год, как будто ПетриИваныч за год всё

как следует обдумал.

После того как ПетрИваныч неожиданно умер, Ирка приходила ко мне каждый день. Вернее, не ко мне, а к Шницелю. Подарила ему розового зайца. Они сидели на диване, ели печенье, по очереди пищали розовым зайцем. Ирка всегда говорила одно и то же:

«Шницель, мне больше нет места в жизни. Ты понимаешь, каково это, когда был муж, и вдруг нет. Теперь я сирота». Шницель не пытался давать советы и приводить примеры из книг, понимал Ирку молча. Иногда лучше быть как Шницель, понимать молча.

Когда Ирка волнуется, она непрерывно ест.

...– Мы тут, кажется, собрались с определенной целью?.. Мы будем читать завещание или нет? Что он хочет мне сказать? Что я единственная, что он меня любит всю жизнь нежно, преданно, страстно?

Ирка и полезла в холодильник. Достала паштет, принялась есть паштет ложкой прямо из банки.

Глядя, как Хомяк топчется по кухне с банкой паштета и рассуждает о любви, можно было бы подумать, что всё это – чуть заикающийся голос, романтическое волнение, горящие глаза, – всё это... ммм... неуместно. Что она ведет себя, будто в двадцать лет. На самом деле это уместно! Допустим, человек перешел из младшей группы детского сада в среднюю, подрос и прибавил в весе. Но его личность не изменилась!.. Это всё та же Ирка со своими мечтами и чаяниями.

Зазвонил телефон.

– Плохо слышно, ты пропадаешь!.. – кричал Андрей.

Андрей всё еще в Сибири. Уже не по работе, а на рыбалке.

Иркин роман вернул меня в прошлое, во времена романов. Мне вдруг на секунду показалось, что Андрей, как раньше, пешком прошел десять километров до автомата, чтобы засунуть двушку в щель, покрутить замерзший диск и закричать в ледяную трубку: «Ты меня слышишь?.. Я тебя люблю!»

– Ты меня слышишь?.. Паштет! – кричал Андрей. – Ты давала ему паштет? А косточку из красного пакета?

Зачем так кричать? Как будто паштет необходим Шницелю по жизненным показаниям.

Это немного обидно: Шницелю и паштет, и косточка, а мне, что мне?..

В плохие мгновения я думаю: все – десять километров пешком, чтобы прокричать сквозь шум на линии «люблю», всё осталось в прошлом, закончилось. Бывает, что-то закончится, но еще когда-нибудь будет. Закончатся косточки из красного пакета, купим другие. А вот это – шуршание осенних листьев, желуди в кармане куртки, капли дождя на лице, – не просто закончилось, а больше никогда не будет. Кому теперь всё это шуршит и капает?

– Ты нашла паштет?

В плохие мгновенья я думаю: это, черт побери, возраст! Андрею кажется, что без него все не справляются: я не най-

ду паштет, Шницель забудет поесть, Мура забудет, что у нее дети. Когда Андрей смотрит на девочек, у него становится такое лицо, как будто он доктор на скорой, мчится по вызову сквозь метель. Я не хочу, чтобы у него было такое лицо!.. Мама говорит, что Андрей ангел, а я неблагодарная скотина. Это не так, я благодарная скотина. Я очень благодарная скотина! Но реальность такова: желание всех опекать это признак возраста. Опекаешь, знаешь, где паштет, значит, ты еще сильный. А я хочу, чтобы он всегда был молодым.

В хорошие мгновения я думаю: а где же паштет? На полке нет паштета Шницеля, но я же его не съела?..

Реальность такова: я угостила Ирку собачьим паштетом.

– Телячий паштет Шницеля на нижней полке, – уточнил Андрей.

Ага, ура! Ура, я не угостила Ирку собачьим паштетом!

– А на верхней полке еще один паштет для Шницеля, из ягненка, не перепутай с телячьим.

Телячий. Я угостила Ирку телячьим паштетом. Признаться или нет? Но зачем признаваться? Свидетелей нет, улики нет. Дам Шницелю паштет из ягненка, и он будет молчать. Никто не узнает.

...– Сейчас мы все пойдем ко мне. Завещание дома. Я боюсь взять его в руки.

Общий сбор у Ирки-хомяка с целью оглашения завещания.

Присутствовали Хомяк и я. Ольга таинственно сказала, что у нее важное дело. Что может быть важнее завещания?! Ольга объяснила: «Ты ахнешь, когда узнаешь, только не говори Ирке и Алене».

С целью оглашения завещания Ирка повела меня в спальню.

Иркина спальня – это произведение искусства эпохи барокко. Если забыть, что это современная мебель итальянских фабрик, можно подумать, что находишься в королевских покоях: золоченые барочные завитушки, тяжелые бархатные портьеры с золотыми шнурами. На потолке роспись: «Похищение Психеи»: Купидон с Иркиным лицом и Психея с лицом ПетрИваныча. Художник перепутал, но перерисовывать не стали из экономии средств. Мы называем эту роспись «Купидона и Психей».

Хорошо, что нет Ольги! Она бы улыбнулась правым уголком рта. Не левым, а правым! Левый она кривит, когда нервничает, а правый, когда входит в Иркину спальню. Легко смеяться над Иркиным вкусом, когда ты из старой петербургской семьи, твои предки знаменитые художники, картины твоих прапрадедов в русских и французских музеях. Ольга говорит «мы с Ирккой из разных детских». Конечно, из разных: над Ольгиным диваном висят виды Павловска кисти знаменитого... не важно кого, это секрет. У Ирки над кроватью висела репродукция из журнала «Огонек». У Ольги знаменитые предки, а у Ирки нет родственников, одна мама,

акушер-гинеколог на пенсии в маленьком уральском городке. Но мы уже давно из детских!

Нет-нет, Ольга не кичится своим происхождением, она согласна, что происхождение самое незначительное в человеке. Ольга ругает Ирку за плохой вкус. Но вкус тоже самое незначительное!.. Взгляды тоже самое незначительное в человеке. В человеке всё незначительно, кроме одного: что этот человек твой друг, Хомяк.

– Вот кровать, – сказала Ирка.

Казалось бы, кровать в спальне, ничего особенного. Но любой, кто смотрит сериалы, сразу поймет, в чем дело: кровать низкая, пылесос под нее не пролезает. На том, что пылесос не пролезает под кровать, построен сюжет многих сериалов: это завязка. Персонажи сериалов в первой серии прячут завещание там, где его никто не найдет: под кроватью, где никогда не пылесосят. Во второй серии закатывается под кровать кольцо, персонаж шарит под кроватью палкой от швабры... тут-то и начинается драма.

У Ирки закатилось под кровать кольцо, Ирка пошарила под кроватью шваброй – а там коробка, в коробке завещание. Зачем ПетрИваныч не в сериале, а в жизни спрятал завещание под кроватью, где Ирка никогда не пылесосит? На этот вопрос нет ответа.

Если подумать, на этот вопрос есть ответ: ПетрИваныч не предполагал, что может умереть. Думал, что когда-нибудь, через сто тридцать лет скажет Ирке слабеющим голо-

сом «умираю, и вот моя последняя воля: пропылесось под кроватью», – а там как раз завещание. Но, скорей всего, ПетрИваныч считал, что к тому времени изобретут бессмертие, и Ирке не понадобится пылесосить.

ПетрИваныч вообще был склонен к скрытности. Ирка не знала, сколько он зарабатывает. ПетрИваныч говорил «цвети спокойно, мой тюльпан» и выдавал определенную сумму на хозяйство и ботокс. Ирка никогда не знала, на какую конкретно сумму она может цвести. Когда Ирка задумывала внеочередную косметологическую процедуру, она сообщала об этом ПетрИванычу. ПетрИваныч внимательно рассматривал Ирку, затем сверялся с синей записной книжкой, что-то подсчитывал в уме и давал ответ: ну, что же, устранить носослезную борозду мы можем себе позволить, а вот изменить форму глаз для придания свежести взгляду в этом месяце нам не по средствам. Мне было бы обидно, если бы Андрей раздумывал, придать ли свежести моему взгляду или и так сойдет, но финансовые отношения в каждой семье построены поразному.

После смерти ПетрИваныча Ирка запаниковала: как тюльпан сможет цвести на свою зарплату в театре? Алена в утешение хотела подарить Ирке какую-нибудь приятную мелочь: операцию по изменению формы ушей или липосакцию щек. Ирка отказалась: «не хочу рисковать ушами». Всякий раз смотря в зеркало, она будет думать – вот уши, подарок Алены. Но что, если они с Аленой поссорятся? Алена благород-

ный человек, она никогда не стала бы требовать уши обратно, но Ирка привыкла быть независимой.

Но если бог дает желание улучшить свою внешность, он дает и способ: пробирки, водяная баня, эфирные масла, вазелин. Термометр. Ирка начала делать кремы: мазала себя, меня, гардеробщицу, актрис и режиссера. На сегодня у Ирки уютный подпольный бизнес: все в ее театре, от гардеробщицы до главного режиссера, покупают Иркин дневной крем, ночной крем, а также крем для губ. Ирка говорит «мой бизнес на самокупаемости»: доходы от продажи кремов равны расходам на их приготовление. Хомяк планирует расширяться: в ее планах крем для век.

Чтобы показать мне, как она нашла завещание, Ирка встала на колени, засунула голову под кровать.

– Ой, а что это тут, в углу? Здесь что-то есть! Может быть, тайник?!

Но это был не тайник, а синяя записная книжка: очевидно, ПетрИваныч при жизни уронил ее под кровать, и всё это время она там находилась.

Ирка листала книжку, бормоча: «Милый, милый ПетрИваныч, как подробно у него записаны расходы на косметологию», и вдруг побледнела.

– Не понимаю... прочитай ты, – Ирка смотрела на меня беспомощным взглядом.

Пролистав записную книжку, мы с Иркой выяснили, что ПетрИваныч регулярно требовал деньги у женщин. Напоми-

нал, просил, угрожал. Часто повторялась фраза «у вас есть один день!» и «пеняйте на себя!». В синей записной книжке была зафиксирована ежемесячная переписка с тремя женщинами. ...А вот и номер тайного счета, на который каждый месяц поступали деньги.

Что это, шантаж? ПетрИваныч шантажист? Грозил раскрыть тайны этих несчастных, вымогал деньги... Печально, когда моральный уровень умершего мужа оказывается не таким высоким, как при жизни. Но зачем думать о моральном уровне ПетрИваныча, у него уже всё равно не будет возможности исправиться.

– Давай прочитаем завещание, – предложила я.

– Читай сама, если хочешь, – мрачно сказала Ирка. – Я в шоке: ПетрИваныч занимается шантажом!

...Ура! Оказалось, что это не шантаж! Не шантаж, а получение законного дохода: у ПетрИваныча было три однокомнатные квартиры, которые он сдавал.

И завещал Ирке.

– Не могу поверить... Он купил квартиры втайне от меня... – ошеломленно сказала Ирка. – Да еще в Озерках...

Как будто это имело значение: ПетрИваныч втайне купил три квартиры в Озерках или в другом месте. Хотя всё же имело значение: Озерки хороший район.

...ПетрИваныч купил три квартиры втайне от Ирки, но как? Муж имеет право купить квартиру только с согласия жены. Ирка не помнит, что давала согласие. Тюльпан не обя-

зан держать в памяти, что подписал ПетрИванычу бессрочное согласие на покупку любой недвижимости.

– Милый, милый ПетрИваныч, – растроганно повторяла Ирка, – какой он у меня заботливый, предусмотрительный, надежный! Я всё пела, как стрекоза, а он в это время думал про вечное – про недвижимость.

Так, прямо на моих глазах, Хомяк стал рантье.

– Три квартиры – это настоящая любовь! Уверена, что это лучшие квартиры в мире, я полюблю их с первого взгляда! Милые мои, мои однокомнатные! Мои равные по площади, в новом доме! Обожаю свою недвижимость! – веселилась счастливая Ирка.

Конечно, Хомяк обожает свою недвижимость. Не в том смысле, что Хомяк полюбил квадратные метры. Хомяк полюбил чувство безопасности от сдачи трех квартир в аренду.

– Материальное благополучие – это единственная опора в жизни. Мужья могут уйти, умереть, изменить, а однокомнатные квартиры не умрут! Три квартиры можно три раза сдать! Но только трем людям... А если каждую квартиру сдать по три раза, то можно получить девять арендных плат... – Ирка пошевелила губами, перемножая в уме сумму аренды на три минус инфляция плюс рост стоимости аренды в год и умножить на три квартиры, которые она сдаст по три раза.

...Ирка совсем недолго побыла рантье. Рантье – это покой, стабильность. Но не таков Хомяк. Ирка мысленно пустилась во все тяжкие. У нее образовался бизнес-план: про-

дать одну квартиру, вступить в новое строительство, построить, продать, купить две, опять построить, продать, купить три... По-моему, это естественный ход событий: финансовая самостоятельность ударила Ирке в голову, потому что она много лет не имела доступа к семейному бюджету.

– Читай завещание дальше, – велела Ирка, – вдруг там еще один сюрприз? Еще одна квартира?! Или даже две! Милый, милый ПетрИваныч!

Хорошо, что Ирка не увидела это своими глазами. Увидеть такое своими глазами – это огромный стресс! Услышать своими ушами тоже стресс. Хотя я постаралась преподнести ужасную правду максимально осторожно.

– Мы с тобой взрослые, так? Мы с тобой знаем мужчин, так?..

Ирка кивнула: «Да, мы знаем. У него карточные долги?»

– ПетрИваныч тебя очень любил. Говорил, что ты тюльпан. Ты, и правда, тюльпан! Иногда тюльпан один в вазе, а иногда ...э-э... букет тюльпанов. Мужчины, ну, ты знаешь, полигамия, моральная слабость и всё такое. К тому же ПетрИваныч всё равно умер.

По-моему, я подошла к делу издалека, как только возможно.

– Сколько? Двое? Трое? Внебрачных детей сколько, двое, трое? – деловито спросила Ирка, и тут же засмеялась, – шу-чу. Откуда у него могут быть дети? ПетрИваныч не изменил мне ни разу в жизни. Бедный ПетрИваныч, иногда мне его

жалко: за всю жизнь у него была всего одна женщина, я.

– Точно, – горячо подтвердила я, – не трое. Не трое и даже не двое, всего лишь один... дочь. Всего один дочь, то есть один маленький ребенок, могло быть гораздо больше. У мужчины может быть около тысячи детей, а у морской свинки до тридцати, за всю жизнь, конечно.

– ПетрИваныч не морская свинка. Он свинья. Ирка сняла платье, бросила на кресло, легла в кровать, встала, аккуратно повесила платье в шкаф, легла, отвернулась к стенке. Бант и бусы не сняла, так и лежала в банте и бусах. Я принесла корвалол. Не помню, сколько нужно капель?.. Накапала тридцать капель. Если бы у ПетрИваныча было двое внебрачных детей, я бы накапала шестьдесят капель, а если бы трое – девяносто? Затолкала Ирку поглубже в подушки, подоткнула одеяло. Ирка приподнялась, беспокойно сказала «арендаторы заплатили за последний месяц?» и бессильно упала в подушки.

Из подушек доносилось: «...маленькая до-очь... ..маленькая, значит, он изменил не в мо-олодости, а совсем недавно, ооо... у него была любо-овница, ооо... Кто эта женщина?! Я – единственная любовь его жизни, а не она! Я тюльпан! У меня замирало сердце, а не у нее! Ни у кого такого не было, как у нас, – а не у них!

Мне так стыдно. Ведь мы что думаем?.. Мы думаем: Хомяк. Со всеми присущими Хомяку чертами: страстью к ботоксу и аппаратной косметологии. Я была уверена, только

у нас с Андреем вот это всё – бежать к любимому, ловить снежинки ртом, уткнуться в колючую щеку, услышать «люблю»... только у нас! А у Ирки с ПетриИванычем быт, синяя записная книжка, Купидона и Психей. Но оказывается, у Хомяка тоже замирало сердце! У Хомяка тоже «ни у кого такого не было!». ...Буду с Иркой до конца. В том смысле, что пройду с ней этот горький путь: шок, отрицание, возмущение, агрессия, осознание, принятие.

– А может быть, ребенок – это не измена? – Ирка приподнялась в кровати, сидела в банте и бусах, смотрела на меня с надеждой.

Я кивнула. И правда, мало ли какие бывают обстоятельства. К примеру, у ПетриИваныча есть родственник дурного нрава, и ПетриИванович как благородный человек воспитывал его ребенка... кажется, это Джейн Остен «Разум и чувства».

– Не измена, а что? – В Иркином голосе одновременно яд и надежда.

– Не измена, – уклончиво сказала я, – давай посмотрим на вещи позитивно: мы будем забирать ее на выходные, я могу завтра пойти с ней в театр... на «Лебединое озеро» или «Щелкунчика»?.. Только не на «Жизель», прошу тебя, не на «Жизель»!

– А там сто написано? – От волнения Ирка начала шепелявить. – Давай перечитаем это место про маленькую дочь.

Сто, сто... в завещании написано черным по белому: «со-

общин Е., скажи так «он улетел, но обещал вернуться», скажи именно так, слово в слово». Как бережно ПетрИваныч обходится с ребенком: не хочет напрямую говорить с ребенком о смерти, дает надежду... он был Е. хорошим отцом. Е. это Екатерина? Евлампия? Елена, Елизавета?

– Я этого не переживу, – горько вздохнула Ирка. Я тоже этого не переживу. Если у такого предусмотрительного человека, как ПетрИваныч, под кроватью три однокомнатные квартиры и дочь Е., то чего же можно ожидать от других? Если у Андрея обнаружится внебрачная дочь, я просто сразу умру, и всё. Решение умереть и всё – хорошее, но кто тогда допишет мой новый роман?

Вместо того чтобы получить от меня утешение, Ирке пришлось утешать меня.

Мы утешали друг друга, Ирка чихала и плакала, плакала и чихала, я только чихала.

– Есть примета: я три раза подряд чихнула, значит, это правда: мы обе не переживем измены ПетрИваныча, – сказала Ирка.

Ирка чихнула не три раза, а пять.

Завещание до конца не дочитали. Но что еще там может быть, кроме «до свидания, хорошего дня»?..

Вечер вторника, 21 сентября, первая лекция на курсах литературного мастерства

Не только Мура доцент, читает лекции по терапевтической стоматологии, я тоже читаю.

19:00

Лекция на курсах литературного мастерства.

Сидят. Чего сидят? Загадка, люди, которые учатся на курсах литературного мастерства, для меня загадка. Смотрят на меня. Чего смотрят? Как будто я могу научить стать писателем! Зачем они здесь? Некоторые люди совершают необъяснимые с точки зрения логики поступки.

Ну, а мне для чего нужно преподавать на курсах литературного мастерства? Для удовлетворения своего тщеславия и любви к аплодисментам?

Сначала расскажу, почему не стоит становиться писателем.

– Представьте, что вы дома сварили суп. Ваши родные сказали «что-то твой суп не очень». Неприятно, но можно пережить, правда?.. А теперь представьте, что вы сварили суп на весь район. И каждый – каждый! – может подойти к вам и сказать: «Эй ты, повар! Твой суп невкусный! Нужно

побольше морковки». Книга – это ваш суп для всего района. Писателю каждый может сказать, что его книга плохая. Писатель тут же подумает, что он неталантлив. Это ужасно! Можно признать, что твой суп невкусный, можно даже признать, что кто-то красивей. Но как согласиться с тем, что ты неталантлив? Это психологическая травма. А если твой друг – литературный критик, но ни разу про тебя не напишет... о-о, какая это травма!

На первой парте поднялась рука – вопрос.

– Какой суп?

– Хороший вопрос. Рассольник.

Что еще рассказать?..

Расскажу, какие страхи бывают у писателей, кроме страха чистого листа.

– Страх, что близкие люди узнают ваши потаенные желания и мысли. Этот страх быть откровенным называют «страх, что мама узнает».

– А вы испытывали такой страх?

Кто, я? Нет, конечно. То есть да, я боюсь, что мама, Мура, Андрей и все остальные узнают обо мне что-то, что я хотела бы скрыть. Не то чтобы страшные тайны, так, ерунда – что я чувствую, о чем думаю. Подумают, что если я такое написала, значит, это происходило со мной, или я об этом мечтаю, и с какой стати я вообще об этом знаю? К примеру, как писательницы пишут о сексе, если у них есть взрослые дети? Они же прочитают и подумают: о-о, и это моя мама?!

19:13

Вот черт, звонок. Я забыла выключить телефон!

Ирка-хомяк. Я прошипела «у меня лекция» и отключилась.

19:13

Позвонила Ирка-хомяк. Закричала: «Сделай перерыв. Срочно! Приписка!»

19:13

– Я на минутку. Следующий страх – страх неуспеха. А затем страх успеха. Через пару минут я вернусь, и вы мне скажете, почему человек, который хочет стать писателем, может бояться успеха.

Вышла в коридор, чтобы позвонить Ирке, а Ирка за дверью. Я думала, она дома, но она тут, за дверью.

Оказалось, в завещании есть пункт «примечания». В примечании написано «Позаботься обо всем с присущим тебе благородством». Пришпилены квитанции на оплату электричества и газа по трем квартирам. А также написан адрес и телефон Е. (Екатерины, Елены, Евдокии, Евлампии, Елизаветы, Евы).

– Как это тонко, как умно: «Позаботься обо всем с присущим тебе благородством». Какие прекрасные слова. Ты исполнишь волю ПетриИваныча с присущим тебе благород-

ством! Отдашь его маленькой дочери квартиру.

– Квартиру?! Ты с ума сошла!

Ирка посмотрела на меня как на врага. Как на врага, который сошел с ума.

– Одну из трех. Любую, которую не жалко.

– Я люблю все свои квартиры одинаково, – с достоинством сказала Ирка.

– Да, но ПетрИваныч совершенно ясно и четко намекнул: «Позаботься обо всем с присущим тебе благородством».

– Он не понимал, что делает. Будь он в здравом уме, ему бы и в голову не пришло отнять у собственной жены половину обеспечения! Одна из трех квартир это ровно половина моей недвижимости!

Молча показала Ирке три пальца, один загнула, пошевелила оставшимися двумя.

– Рзвлекаешься, пальцами шевелишь? По-твоему, я должна лишиться себя средств к существованию?! Этот номер у вас не пройдет, гражданин Гадюкин! Этот номер у него не пройдет, гражданин Гадюкин! Три квартиры – мои! Три квартиры, три арендные платы, три жильца... Мне очень важно, что у меня всего по три!

У Ирки стресс: Ирка считала, что у нее всего по три, но теперь может оказаться, что у нее всего по два, ПетрИваныч «этот человек», а я гражданин Гадюкин. Мы с ПетрИванычем оба граждане Гадюкины.

– ПетрИваныч на смертном одре просил тебя позаботить-

ся о ребенке! С присушим тебе благородством.

Ирка покачала головой – нет.

– ПетрИваныч на смертном одре просил меня правильно оплачивать квитанции. Он приложил квитанции к завещанию. Я должна с присушим мне благородством вовремя оплачивать электричество и газ. В завещании не написано «заботиться о моей дочери»! Написано «заботиться обо всем». Обо всем – это вовремя оплачивать электричество и газ... и налоги. ПетрИваныч на смертном одре не мог иметь в виду ничего другого.

Почему мы говорим «на смертном одре»? ПетрИваныч умер, заказывая суши на свою серебряную свадьбу. А завещание он написал раньше, не когда заказывал суши. Ирка хотела винегрет и оливье, а он хотел суши.

Придется вернуться на лекцию: слушатели ждут, хотят стать писателями.

Я вдруг начала кашлять.

19:18

В аудитории.

19:18

Звонок. Ирка.

– Квартиру не отдам! – твердо сказала Ирка. – Читай лекцию и отвечай мне мысленно, я пойму.

19:18–20:30

Рассказала про арку героя.

– Арка – это изменение личности персонажа под влиянием внешних и внутренних конфликтов. Персонаж внутренне растет, становится другим человеком, из лягушки превращается в царевну, из заурядного человека в спасителя мира, или просто становится другим человеком.

– Герой становится лучше?

– Необязательно. Может быть положительная арка, может быть отрицательная. Важно, что персонаж становится другим. Давайте вспомним героев любимых романов, например Фродо из «Властелина колец». Фродо вернулся из Мордора практически другим хоббитом.

– А в жизни кто-то стал другим человеком?

Хм, звучит как очень личный вопрос. ...Пожалуй, нет. Никто не стал другим человеком, кроме хоббита Фродо и Алены. А из близко знакомых мужчин никто не изменился, не считая ПетрИваныча, который очень изменился: он умер. По утрам он курил в туалете, Ирка злилась. Но может ли Ирка считать это недостатком, если она с ним больше не живет?

Я рассказывала про арку героя на примере «Ярмарки тщеславия» и мысленно беседовала с Иркой.

– По закону я ничего не должна дочери ПетрИваныча. Законы пишут не зря!

Мои мысли: но что, если маленькая дочь ПетрИваныча нуждается? Девочке нужны игрушки и кружки.

– Мне тоже нужны игрушки и кружки! Я тоже девочка! – закричала Ирка.

Мои мысли: Ирка, ты же хороший человек.

– Я хороший человек?! Я хороший человек. По-твоему, быть хорошим человеком означает отдать последнее, третью квартиру?! Давно хочу тебя кое о чем спросить: ты вообще чей друг? Мой или маленькой дочери ПетрИваныча?

Мои мысли: Я придумала! Ты можешь отдавать ей деньги от аренды.

– Деньги?.. От аренды?.. Это неплохая мысль, не ожидала от тебя.

20:31

Выяснилось, что из всех присутствующих на курсе литературного мастерства «Ярмарку тщеславия» читала только я.

20:32

Начала рассказывать про арку героя на примере «Унесенных ветром». Выяснилось, что будущие писатели не читали «Унесенные ветром».

20:33

Звонок. Ирка.

– Отдавать ребенку деньги от аренды – это плохая мысль. Ежемесячные выплаты развращают. Дочь ПетрИваныча при-

выкнет к ренте, будет думать, что ей все должны, перестанет учиться. Не окончит школу! ... А я, я? Для меня нет ничего хуже, чем ежемесячные выплаты. А если в каком-то месяце мне не хватит на жизнь? А если необходима срочная косметологическая операция? Я всё равно должна буду платить, хоть тресни! Это как будто выплачиваешь кредит на машину: она уже твоя, а ты почему-то всё платишь и платишь! Но в данном случае у меня даже машины не будет! Так?

Мои мысли: так. В данном случае машины не будет.

– ПетрИваныч положился на мое благородство. Но он не имел виду отдать квартиру или выплачивать ренту! Он имел в виду изредка сводить ребенка в театр или на ёлку. Ёлка, утренник в театре... уверена, что он не стал бы требовать от меня большего. Давай так: я свожу ее на ёлку, а ты на «Лебединое озеро».

Ирка чихнула и отключилась.

В конце лекции рассказала про арку героя на примере «Приключения Буратино»: все видели мультик.

На самом деле Буратино – неправильный пример. После всего, что ему пришлось пережить, он нисколько не изменился: таким людям хоть кол на голове теши.

Сначала просто кашляла, потом начала кашлять как собака. Кашель как будто лай... Неловко лаять на лекции не как маленькая собачка, а как овчарка: гав-гав.

Отошла в угол, надела маску, из угла закончила лекцию:

– Некоторые любимые персонажи никогда не меняются, в

этом их прелесть: Эркюль Пуаро, Шерлок Холмс. Поступайте с персонажами по своему усмотрению: писатель – это бог в своей маленькой Вселенной... гав-гав... гав-гав... гав.

Среда, 22 сентября, скандал из-за денег

Кашель прошел, но у нас опять скандал из-за денег. Кто мог представить, что в нашей семье возможны скандалы из-за денег? Я нет.

Сегодня мой день забирать девочек из школы. А я не хочу! Не хочу их забирать. Мой день был позавчера и будет послезавтра. Я имею право не хотеть каждый день садиться в машину, ехать по пробкам, мучительно парковаться, долго ждать в школьном вестибюле. Замотать в шарфы, забыть, где машина, метаться по улицам в поисках машины, найти, сесть в машину, услышать от Яши, что она забыла учебник, сбегать с Яшей за учебником, вернуться, услышать от Аркаши, что она забыла тетрадь, накричать на обеих, сбегать с Аркашей за тетрадью...

Попросила Андрея забрать девочек из школы: не могу оторваться от работы. Он тоже не может оторваться от работы. Обсуждали, кто из нас не может больше. У меня глава, у него совещание. Я согласна, что главу можно закончить завтра, но совещание тоже можно провести завтра! Он всего лишь привезет двух маленьких девочек из школы и поедет на работу.

– Работаю, не могу оторваться ни на минуту, понима-

ешь? – сказала я.

– Хорошо, я заберу, – согласился Андрей, ура!

Отключился, и тут же получил от меня звуковое сообщение: «Я теперь буду жить в гареме. Расскажите мне правила». От меня. Сообщение. Что я теперь буду жить в гареме. И хочу узнать правила проживания в гареме. Так бывает: случайно отправишь звуковое сообщение тому, с кем только что разговаривал.

Догадался ли Андрей, что когда мы разговаривали, я поставила на стоп турецкий сериал? И поговорив с ним, тут же опять включила турецкий сериал? И что если это турецкий сериал, то речь, конечно, идет о гареме?

Ни о чем не спросил, ни как я оказалась в гареме, ни в качестве кого я буду там жить, ни даже какие в гареме правила, – просто забрал девочек. Даже не поднялся, высадил девочек во дворе и умчался.

Девочки дома.

Яша репетирует: она поет в хоре, скоро концерт. Яша поет: «Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко...» Это так прекрасно, что во мне всё дрожит и улыбается.

– Я сяду в зале, увижу тебя в первом ряду и буду тобой любоваться.

– Нет. Я попросила, чтобы меня поставили в третий ряд.

– Как попросила? Как в третий? – всполошилась я. – Ты так красиво поешь, тебе надо быть в первом ряду!

Яша посмотрела на меня укоризненно:

– Есть и другие дети. У других детей тоже есть бабушки.

Они тоже хотят, чтобы их дети были в первом ряду. Они тоже хотят любоваться! Почему я должна быть в первом ряду? Я что, особенная? Я не особенная, я обычная. Только не говори папе.

Яша права, но... Яша слишком хорошая. Зачем человеку быть таким абсолютно хорошим?.. Расстроилась, предложила Яше хотя бы купить концертное платье.

Яше не нужно концертное платье.

– Не всем могут купить новое платье. Вдруг не всем купят? Как я буду в новом, а другие? ...Мне не нужно концертное платье, только не говори папе.

Я еще больше расстроилась.

Аркаша утешала меня:

– У тебя Яша обычная, зато я особенная! Я буду в первом ряду! Всегда. Давай купим мне концертное платье? Я буду даже первее, чем первый ряд, я буду сало. Только не говори папе, что я хочу платье.

Аркаша не поет в хоре, у нее нет концерта, ей негде быть соло в платье.

– Сало-сало, колбаса, на веревочка оса! – запела Яша.

– Сама оса! Я буду сало в платье, – не сдавалась Аркаша.

Почему Яша не хочет ничего, а Аркаша хочет все? Почему Яша не желает иметь то, чего нет у других, а Аркаша мечтает отличаться от других? Что это, природа? Воспитание? Ах,

да, они же воспитываются одной и той же Мурой. Значит, все-таки природа: отцы. Дело в отцах.

...Позвонила Мура с лекции: у студентов телефоны должны быть выключены, а у нее нет.

– Девочки останутся ночевать у тебя, у меня шесть платьев, два айфона! – жарко прошептала Мура.

Я же говорила, всё дело в отцах. Договорились с Мурой, что после лекции она ненадолго заедет на семейный совет: Мура, Андрей и я. Спокойно обсудим, примем решение. А для чего еще семейные советы? Не думала я, что на нашем семейном совете будут звучать слова «деньги, счета, карточки, контролировать расходы, нечестно» и даже «депозит».

Вечером был семейный совет: Мура, Андрей и я. И Хомяк. Ирка принесла мне новый крем (для век) и осталась на семейный совет. Также принесла большую коробку склянок, пробирок, баночек, тех, что уже не нужны для бизнеса, но когда-нибудь могут пригодиться. Андрей посмотрел на нее косо: ему не нравится, что все, что может когда-нибудь пригодиться, Ирка хранит у нас, на подоконниках, в шкафах, везде. Это несправедливо, ведь Андрей и сам хранит кучу ненужных для бизнеса бумаг, не позволяет мне выбросить. Он хотел бы сам заставить подоконники на кухне своими вещами, например, сложить там старые журналы... для чего человеку стопка журналов «Огонек» или «За рулем»?

Так вот, семейный совет: Мура, Андрей, я и Хомяк.

Ирония судьбы в том, что создаешь семью и думаешь – ура-ура, какая у меня милая семья! А потом – не по твоей воле – в твою семью входят другие люди, – и все, твоя семья живет по другим правилам. И вот уже твоя семья спорит из-за денег... Ирония судьбы в том, что у девочек есть отцы. Мура ввела в нашу семью своих мужей, сначала одного, потом другого, но первый-то никуда не ушел! Второй тоже никуда не ушел. У девочек разные отцы, настолько разные, что непонятно, как с этим жить.

В нашей семье ужасная история: у нас отцы не дружат.

Отец Яши финансист, исключительно обеспеченный человек, отец Аркаши поэт, исключительно необеспеченный человек. Отец Яши гедонист, любит жизнь во всех проявлениях: вкусная еда, быстрые машины, но совершенно чужд духовным интересам.

Отец Аркаши гедонист в смысле духовных наслаждений: музыка, поэзия, живопись.

Отец Аркаши такой неформальный человек, что было бы логично обойтись без свидетельства о браке. Мура встречалась с ним, когда уже не жила с отцом Яши, но еще не развелась. Я точно помню, что она не хотела выходить замуж второй раз. Почему же Мура все-таки вышла замуж за отца Аркаши?

А-а, да, вспомнила. Мура хотела, чтобы у девочек всё было одинаково: у каждой свой законный отец. Поэтому нужно было всё привести в порядок: развестись с отцом Яши, вый-

ти замуж за отца Аркаши. Мы устроили маленькую чудесную свадьбу для мамы. Чтобы мама не догадалась, что это ненастоящий брак, и не начала волноваться. Во время первого же тоста мама наклонилась ко мне и сказала: «Зачем вы потратили деньги на фиктивную свадьбу?»

Но я не считаю, что свадьба была зря! Просто всё имеет свою цену. Аркаша любит рассматривать свадебные фотографии родителей. Разве это справедливо, если бы у Яши были свадебные фотографии родителей, а у Аркаши нет? У Аркаши возникли бы сомнения в своей легитимности.

Отцы девочек в прохладных отношениях: разные взгляды, классовая неприязнь. И скандалы из-за денег: отец Яши хочет баловать девочек: айфоны, наряды, блёстки. Отец Аркаши решительно против того, чтобы капиталист чуждых взглядов портил карму девочек: девочки должны презирать всё материальное, включая еду и одежду. Отец Яши хочет щедро содержать девочек, отец Аркаши не готов содержать никого, даже себя, он принципиально против денег, кружков, еды, одежды.

Как Муре жить в финансовом плане? Уступить отцу Яши? Но разве это правильно, если один отец будет содержать всех? Уступить отцу Аркаши? Но разве правильно, если девочки в одной семье будут содержаться по-разному, каждая в соответствии взглядам своего отца? Мура не может разрешить каждому отцу воспитывать свою дочь по своему разумению. Мурино положение крайне сложное! Что делать?

И вот сегодня у нас в семье опять скандал из-за денег. Отец Яши купил концертное платье. Четыре концертных платья, если быть точными: два Яше и два Аркаше. Привез ей на лекцию.

– Можно решить так: ну и пусть, – предложила Ирка. – Он имеет право участвовать в воспитании дочери.

Нельзя. Отец Аркаши возражает. Он тоже имеет право участвовать в воспитании дочери. И не позволит капиталисту портить свою дочь.

Ситуация осложняется тем, что Аркаша хочет портиться. Они с отцом Яши каждый день перезваниваются, о чем-то хихикают. Планируют выходной день, как они пойдут по магазинам, а потом в ресторан. Возил девочек на бал в Павловский дворец, где Аркаша изображала принцессу, а Яша не вышла из машины. Мура ссорится с отцом Яши, оправдывается перед отцом Аркаши.

Яша любит подарки, но не любит ходить по магазинам, любит поесть, но не в ресторанах, а дома. Яше нравится гулять по городу с отцом Аркаши, слушать стихи обэриутов, которые бормочет отец Аркаши. Мура извиняется перед отцом Яши, ссорится с отцом Аркаши. Как быть, как быть?..

Иногда для того, чтобы решить нерешаемую проблему, нужно отойти на шаг. Посмотреть на проблему со стороны, но не самому посмотреть, а незаинтересованным взглядом. Посмотреть со стороны должен равнодушный человек, но и не страстно заинтересованный. Такой человек среди нас.

Это Ирка.

– Терпеть бесконечные споры между отцами невозможно, так? – сказала Ирка.

Мура кивнула. Мура противник конфликтов между отцами.

– Они тебя уже достали, так?

– Да! Они каждый день жалуются друг на друга: а он, а я ему... а он, а я, а он...

– Реши проблему как разумный человек: какая тебе разница, кто чья дочь? Ты можешь считать, что Аркаша дочь отца Яши? А Яша дочь отца Аркаши?

Мура удивилась, – она же знает, кто чья дочь, но немного подумав, сказала: «И правда, какая мне разница».

Мура решила проблему конфликтов между отцами как взрослый разумный человек: пусть отец Яши воспитывает Аркашу, а отец Аркаши воспитывает Яшу. Каждый отец всё равно считает, что у него две дочери.

– А с деньгами как быть? – Мура смотрела на Ирку с надеждой, – как мне себя вести в финансовом плане?

Ирка, не задумываясь ни на секунду, ответила:

– Ха, ну, это как раз ясно. Сама подумай. Мура подумала.

– Я врач-стоматолог, да?

Ирка покачала головой. Она знает, что Мура не совсем стоматолог.

– Я не стоматолог, а преподаватель медицинского университета, – догадалась Мура.

Ирка важно кивнула, как будто она перст судьбы или Мурина совесть.

– Я должна быть независимой. Сама содержать девочек.

– Хм... – сказал Андрей, он впервые высказал мнение во время семейного совета.

Андрею кажется, что Мура еще маленькая и без него ей отключат свет. Он платит за все, что нужно оплачивать регулярно: квартплата, страховки, детские кружки. Он также дает Муре деньги нерегулярно: у преподавателя маленькая зарплата. Когда мой папа был профессором, у него была огромная зарплата. Когда я была доцентом, у меня была хорошая зарплата. Когда Мура стала доцентом, зарплата стала такой маленькой, ее, можно сказать, вообще нет.

Доцент может подрабатывать лекциями в ЖЭКе или в обществе «Знание». Но какую лекцию Мура могла бы прочитать в ЖЭКе? «Вылечи сам себе пульпит», или «Как вылечить кариес другу»?

...Всё устроилось!

Выступление Андрея на семейном совете. Что касается мнения, то его мнение «хм». Что же касается денег, то он больше не будет ничего оплачивать. Первого числа каждого месяца он будет переводить доценту Муре деньги на карточку. Мура хочет сама содержать девочек на зарплату доцента, поэтому он будет платить Муре зарплату от себя.

На первый взгляд это небесспорное решение... А на второй – бесспорное! Доцент Мура сделает огромный шаг к

взрослению, начнет рассчитывать свой бюджет, ни от кого не завиша...ся. Ни от кого не завися...ша.

Воскресенье, 26 сентября

Пришла к Алене поздравить Шуршика с днем рождения.

– Он опять, – мрачно сказала Алена, открыв мне дверь, – я больше не могу, я просто больше не могу...

Когда Алена произносит «он опять», она непроизвольно горбится и втягивает голову в плечи, словно хочет залезть с головой под одеяло, но одеяло короткое.

«Он опять» – это Шуршик, Аленин младший сын.

Любая мама может сказать «я больше не могу», но Алена не любая мама. От промышленного магната, крупного производителя газобетона, нельзя ожидать «я больше не могу». От промышленного магната можно ожидать «я больше не могу», но по поводу «контракты-налоговая-поставки-платежи».

Мне нельзя воскликнуть: «Опять?!» Нельзя кивнуть: кивок означает, что я согласна. Нельзя подливать масла в огонь. Нам самим можно ругать своих детей, а больше никому нельзя. Про чужих детей можно только безоценочно мычать.

– Ммм... – промычала я.

– Ты права, – подтвердила Алена.

У Алены на секунду становится совсем потухшее лицо, – только на секунду, только со мной. Прежде чем вернуться к Никите и Шуршику праздновать день рождения, она нач-

нет улыбаться. Как будто светофор: со мной она может позволить себе красный свет, а с Никитой только зеленый.

Ох... Почему у нас с годами всё больше горечи?

Думаю, у других точно так же, не только у нас. Возьмем «Трех мушкетеров», где все – сама легкость, бесстрашие, жизнерадостность, прекрасный аппетит, интриги, дуэли, много вина. Но что мы видим через двадцать лет? В «Двадцать лет спустя» дело обстоит отнюдь не радужно: Портос устал, Арамис печален, д'Артаньян разочарован в короле, у Атоса скелет в шкафу, жуткий Мордаунт, сын Миледи. Неужели с течением времени разочарования неминуемы, горести неизбежны, и хотя бы один скелет в шкафу обязательен? Как минимум один скелет. Бывает, что и больше, два-три скелета.

Конечно, есть семьи, у которых всё идеально. Не может не быть! Но я таких не знаю. Бывает, что на поверхности всё идеально, но если взглядеться повнимательней... В данном случае даже не нужно вглядываться: на поверхности Шурш, лежит в своей комнате. Алена не хочет праздновать его день рождения без него... Почему с годами у нас всё больше горечи плюс скелет в шкафу? Почему, почему?!

Вообще-то, я знаю почему. Если бы мы были черепахами, не заботились о своих детях, а просто делали кладку в выкопанной предварительно ямке и уползали в неизвестном направлении. В этом случае наше счастье зависело бы только от нас: уползли и живем своей собственной жизнью. Но мы

не уползаем, а напротив, попадаем в зависимость: наше счастье и веселье зависит от наших детей. Когда дети маленькие, наше счастье под контролем. Алена собирала Шуршику портфель до окончания школы, я скрывала от мамы Мурины двойки по физике, Ольга водила Антошу на балет.

Разумно было бы уползти в неизвестном направлении после окончания детьми института, защиты диссертации, второго развода. Но мы не уползаем, напротив, прижимаемся тесней. Кажется, что ничего не изменилось, – наше счастье по-прежнему зависит от наших детей, но как бы не так! Прежде наше счастье и веселье зависело от нас самих, а теперь зависит от других взрослых людей. Но разве можно рассчитывать на других в таком важном вопросе, как собственное счастье?.. Черепахи не рассчитывают. Вот и не сталкиваются с ситуацией, когда их взрослые дети «опять», ...они же давно уползли.

Если говорить всерьез, то пример с черепахами неуместный, не научный, не релевантный: где мы, а где черепахи?.. Но есть же зайцы! Зайцы хорошие родители. Две недели кормят свое потомство, оберегают. Тут вот что важно: они хорошие родители в течении двух недель.

...Уговорили Шурша выйти. Подарки, красиво накрытый стол, поздравления.

Любая мама, которая говорит «я больше не могу», на самом деле может. Тут хорошо работает теория снижения ожи-

даний. Я, к примеру, очень огорчилась, когда Мура развелась, я ведь уже приготовилась жить именно с этим зятем всю жизнь. В утешение я сказала себе: «Зато у нас есть Яша, а Мура еще найдет свое счастье». Когда Мура развелась во второй раз, я огорчилась значительно меньше. Сказала себе: «Зато у нас есть Аркаша». Теперь, если Мура найдет свое счастье в третий, четвертый, пятый раз и затем разведется, я смогу в полной мере проявить присущий мне от природы оптимизм и обойтись вообще безо всякого зятя. Снижение ожиданий помогает сохранить оптимизм.

Алене тоже помогло снижение ожиданий: сначала она переживала, что Шуршик не круглый отличник, не победитель в соревнованиях по боксу, потом начала радоваться, что Шуршик сам собрал портфель и сам не забыл пойти в школу.

Шуршик рос, а Никита не знал, что Шуршик болен. Ладно, пусть не болен, а не совсем здоров. Алена считала, что Никиту нельзя волновать. Теперь уже не понять, что когда началось, что из чего выросло, что чему причиной...

...— Знаете, что мне сегодня приснилось? — сказал Шурш. — Мне приснилась фраза «Девушка в Иерусалиме словила налима». От этой фразы я проснулся совершенно счастливым!

Откуда у таких жизнеустойчивых родителей ребенок, трепетный как листочек клена или рябины? Шурш в свои тридцать три года выглядит как нервический поэт, который выпил бокал шампанского. Нежный чувствительный подро-

сток. Британские ученые предлагают называть человека подростком до тридцати лет, так что в тридцать три года Шурш может смело считаться подростком: годик сюда, годик туда, не имеет значения.

– Я желаю тебе, чтобы ты, наконец-то, повзрослел, чтобы ты стал человеком, – поднял бокал Никита, он напряжен, внутренне бурлит как кипящий суп под крышкой.

– Папа имеет в виду, что мы тебя очень любим и желаем тебе счастья, – твердо сказала Алена, она намерена красиво отпраздновать день рождения, несмотря на кипящий суп.

– У всех дети как дети: организуют бизнес, работают, добиваются, достигают... – упрямо вел свою линию Никита.

Это точно, что у всех? Я бы не стала обобщать, у нас ведь нет достоверной информации про этих всех.

Шуршик ищет себя, искал себя у Алены на заводе, не нашел... очевидно же, что на заводе его нет, как и в Никитином бутике. Шурш творческий человек, у него интересные проекты. Последний проект Шурша коворкинг, предпоследний – шоколатье.

Раньше я думала, что шоколатье – это человек, но это не только человек, сам бизнес тоже называется шоколатье. Шуршик был шоколатье, и у Шуршика был шоколатье.

Ни один человек в мире не знает, что шоколатье находится у меня под кроватью.

В прошлом году, чтобы поддержать проект, я инкогнито заказала у Шурша тридцать четыре шоколадных зайца с

позолоченными ушами. Тридцать четыре зайца на Новый год для Аркашиного класса, не считая тридцати шести зайцев для Яшиного класса. В сумме тридцать четыре и тридцать шесть составляют семьдесят зайцев. Но Шурш немного ошибся с заказом. Мне привезли четыреста семьдесят шоколадных зайцев с позолоченными ушами.

Конечно, я не сказала Шуршу, что он ошибся: не хотела раскрывать свое инкогнито. Никто, начиная бизнес, не хочет, чтобы ему помогали родительские друзья. К примеру, если бы я открыла ресторан, и тут же ввалилась компания маминых подруг, уселась и подмигнула бы мне «тащи скорей первое, второе, третье и компот». С шоколадными зайцами точно так же: все хотят быть самостоятельными. Не шоколадные зайцы хотят быть самостоятельными, а начинающие шоколатье.

К тому же вернуть Шуршу лишних зайцев было бы неправильно. Шурша нужно хвалить. Иначе он теряет веру в себя. Он же еще подросток! Пусть Шурш думает, что у него всё получается, а когда не получается, пусть думает... я запуталась.

Никто не знает, что у меня под кроватью двести тридцать семь зайцев с позолоченными ушами. В прошлом году было четыреста семьдесят, на сегодняшний день осталось двести тридцать семь, остальных я раздарила и съела. Прошлой зимой очень сильно топили. Поэтому у меня под кроватью подтаявшая шоколадная глыба, в которой угадываются очерта-

ния двухсот тридцати семи зайцев. Иногда зимой слишком сильно топят, не знаю, от чего это зависит, не от холодной зимы.

...– Как там твой этот, как его... коворкинг? – спросил Никита.

Алена торопливо ответила «очень хорошо», а бесхитростный Шурш сказал правду: помещение заложено, так как партнеру Шурша нужно заплатить долг, иначе отберут квартиру, а у него жена и ребенок. Шурш с детства всеобщий спаситель, понесет в школу деньги на экскурсию и по дороге отдаст нищему. Родителям говорит: «Вы уже всё равно дали мне на экскурсию, а я отдал тому, кому больше нужно». Что ответить ребенку в таких случаях? Сказать, ты плохо поступил, не помогай больше никому? Сказать, всегда отдавай свое?..

Никита сказал: «Что-о?! Почему он такой добрый за наш счет? А если бы было нужно свою квартиру партнеру отдать?!» Алена закрыла глаза. Так и сидела за столом с закрытыми глазами.

– Я бы отдал, но у меня нет квартиры. Квартиры нет, а коворкинг есть, – успокаивающе сказал Шурш.

Алена открыла глаза. Сказала: «Никита, не волнуйся, я разберусь».

Все это выглядит так, будто Алена защищает свое дитя от строгого отца. Но всё обстоит совсем не так! То есть она защищает. Алена защищает Шурша от его болезни. Это ло-

вушка. Алена в ловушке. У Шурша биполярное расстройство.

В период активности и возбуждения Шурш начинает новый проект... а заканчивает в депрессии. Фаза депрессии опасна для Шурша, депрессия затягивает его слишком глубоко, может случиться беда. Мы знаем, как выглядит беда: когда у Шурша депрессия, он не встает с постели, не разговаривает, не хочет играть со мной в слова, не ест, отказывается от Иркиных пирожков... и еще кое-что, чего никаким родителям не пожелаешь.

Врач говорит, что период депрессии нужно сокращать. Что делать Алене, когда у Шурша проваливается очередной проект? Своими руками толкать ребенка в депрессию или поддержать его в новом проекте? Сократить период депрессии? Ловушка для Алены, капкан, в который попала Аленина лапка...

Никита не знает. Не знает, что у Шурша биполярное расстройство. Не знает, что есть такая болезнь. Алена ему не сказала. Боялась, что он разочаруется в Шурше и разлюбит?.. Бывает ли так, чтобы отец разочаровался и разлюбил, если ребенок оказывается недостаточно хорошим? Алена говорит: «Мужчина хочет гордиться детьми, мужчина может даже женщину разлюбить, если дети неудачные, это заложено в генах». В генах?.. Если в генах, то это ужасно!.. Интересно, женщины Спарты скрывали от мужей слабого ребенка, чтобы его не сбросили со скалы?

– Я придумал новый проект, – сказал Шурш.

– Молодец, интересный проект, – бодро откликнулась Алена, как игрушечный говорящий медведь, которому нажали на кнопку на животе.

Бедная Алена. Если бы Шурш самостоятельно вел свой проект, а потом приходил со словами «проект прогорел, но у меня есть новый...» ...Но Шурш эмоционально зависит от Алены, он каждый день рассказывает ей о проекте, Алена потихоньку начинает верить, как потихоньку оттаивает снежная баба, и начинает струиться надеждой: на этот раз всё иначе, ребенок наконец-то нашел себя. Алена проходит всякий раз этим маршрутом: беспокойство, недоверие, надежда, радость, облом...

Недоброжелатели сказали бы, что хорошо, мол, Шуршу: мама оберегает его, будто ведет его по облаку, а другим что делать?.. Но не все люди с биполярным расстройством Алены дети. Если бы эти другие были Алениными детьми, она вела бы по облаку их.

Новый проект Шурша – интернет-магазин молодежной одежды питерских дизайнеров на базе искусственного интеллекта. Пользователи смогут примерить одежду с помощью дополненной реальности.

Хм... хороший проект!.. Если я буду покупать в дополненной реальности молодежную одежду, продавщицы не станут шептаться: «Ей это не по возрасту», – они же меня не увидят! Я буду продвинутым пользователем, а не шо-

ПИНГ-МАНЬЯКОМ.

– Вот тут написано «создание сервиса потребует высококлассных IT специалистов и инвестиций», – поугливив, сказал Никита. – Фигос ему, а не инвестиции! Мы что, деньги на кустах выращиваем?!

– Не надо мне ничего, я ничего не прошу... – обиделся Шурш.

– Шурш, пожалуйста, папа тебя ни в чем не обвиняет... Никита, пожалуйста, он ничего не просит... – заторопилась Алена.

Шурш сказал: «Мама, можно я пойду?», выскользнул из комнаты. Никита сказал: «Не хочу быть дома, когда ты такая... когда я вернусь, ты уже будешь нормальная, да?», ушел.

...– И что?.. – спросила я.

Мне можно спросить «и что?». В словах «и что?» нет оценки, нет осуждения, нет даже суждения.

– У Никиты есть такое свойство: он любит, чтобы дома было всё спокойно, – сказала Алена.

Свойство? Как будто он любит селедку или винегрет, или плохо слышит. На самом деле это не врожденное, а приобретенное свойство: Алена сама приучила его к тому, что все проблемы решает она.

... – Почему ты так и не рассказала Никите, что Шуршик не здоров?

– Помнишь мою бабушку?

Глупый вопрос. Конечно, помню! Красивая, толстая, с седой косой до пояса.

– Она говорила: «Если хочешь быть счастливой в браке, запомни: муж любит жену здоровую».

Да? Я понимаю: это не про здоровье, это про то, что мужчины не любят женщин, которые их расстраивают. Если мужчина приходит домой, а там – бах, на него вываливают кучу неприятностей, это плохо для отношений. Жена должна сама решать свои личные проблемы, а с мужем всегда быть веселой. В современном контексте это не так глупо: если ты ассоциируешься с неприятностями, тебя начинают воспринимать как неприятность.

– Но разве Шурш – это твои личные проблемы?

– Мои, – коротко сказала Алена.

Почему Алена так и не рассказала Никите, что Шуршик не здоров?

Почему-почему... потому что Алена внучка своей бабушки, красивой, толстой, с седой косой до пояса. Чтобы были идеальные отношения, жена должна молчать о плохом: что ребенок не здоров или муж изменил. Если сказать, всё уже никогда не будет идеальным. А если не говорить, может быть, будет.

Понедельник, 27 сентября, не может быть!

А вот этого я от Хомяка не ожидала!

– В десять сорок пять во дворе Владимирский, шесть, хинкали, – сказала Ирка и отключилась.

Странно. Ирка не бывает так лаконична по телефону. Мы любим хинкали, но не в одиннадцать сорок пять.

Владимирский, шесть – это соседний дом с проходным двором между Литейным и Фонтанкой, во дворе дерево, антикварная лавка, нотариальная контора, кофейня. Очевидно, там открылось грузинское кафе.

В десять пятьдесят мы с Хомяком встретились в проходном дворе, под деревом. Я пришла с Литейного, а Ирка с Фонтанки.

– Ты мне нужна в одиннадцать: ты умеешь с детьми, а я нет, – объяснила Ирка.

Это был обман. Хинкали – это приманка. Мы идем к нотариусу. Ирка записана на одиннадцать. Маленькая дочь Петриваныча с мамой тоже придут. Ирка оформит дарственную. Почему Ирка повела себя как самостоятельный самодостаточный человек? Почему, не советуясь со мной, позвонила по телефону, который был в завещании, и сухо сказала, что Е. наследница по завещанию, и пусть возьмут свидетельство о рождении? Почему сразу же, не откладывая де-

ло в долгий ящик, договорилась встретиться у нотариуса?! Хотя это как раз понятно: нотариальная контора в соседнем доме. Ирка хочет покончить со всем одним махом: боится передумать.

Этого я от Хомяка не ожидала, я ожидала совсем другого: что Ирка сделает вид, что маленькой дочери ПетриИваныча не существует. Ну, или попросит меня придумать, как бы нам издалека незаметно на нее посмотреть, а уже потом делает вид, что никакой дочери не существует.

– Как я выгляжу?

Ирка потрясающе хороша, губы, локоны, каблук, платье с жабо и пышной юбкой, бусы, бант, всё черное, кроме губ и локонов: губы ярко-красные, локоны золотые.

– Как хороший человек, – растроганно сказала я. – ... Ой... ой-ой...

Ой. У меня резко заболел живот... Ой-ой-ой, больно. ... Я знаю эту боль: это только похоже на «болит живот», на самом деле это совершенно другое. Это внезапный стыд.

Я сказала Ирке «ты хороший человек». Но разве я имею право раздавать моральные оценки? Кто я такая, чтобы заставлять Ирку совершать хорошие поступки? Вынуждать идти против своей природы? Свысока давать советы? Разве я Волшебник, который обещал Незнайке волшебную палочку за три хороших поступка!

Как я могла, как я могла, как я могла! Демонстрировать моральное превосходство. Намекать, что я на ее месте по-

ступила бы именно так, потому что уж я-то точно хороший человек... А я сама-то хороший человек? Как я могла быть такой высокомерной, такой лицемерной ханжой?! Никогда не знаешь, как бы сам поступил в морально трудных ситуациях. Уверен, что уж ты-то точно поступил бы благородно, но вдруг возникнет веская причина для того, чтобы поступить иначе?.. Лучше обо всем этом не думать: придет день и узнаешь.

– Ты не должна этого делать, если ты не уверена, – подтолкнула я Ирку за руку в сторону Фонтанки. – Давай уйдем, дай себе время всё обдумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.